

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ИСТОКИ КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНИ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
очной формы обучения, группы 02031710
Саенко Марины Ивановны

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Чумак-Жунь И.И.

Рецензент
кандидат филологических наук,
преподаватель МБУ ДО «Детская
школа искусств поселка Майский
Белгородского района
Белгородской области»
Стручалина Г.В.

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Лингвофольклористика в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы	
1.1. Фольклорный текст как объект для дискурсивного анализа: историко-теоретическое обозрение.....	11
1.2. Описание традиционного фольклора в когнитивно-коммуникативном аспекте.....	17
1.3. Реконструкция фольклорно-языковой картины мира как результат когнитивно-коммуникативного анализа традиционного текста.....	23
Выводы по 1 главе.....	28
Глава 2. Универсальные коммуникативно-прагматические характеристики фольклорного дискурса (на материале фольклорных колыбельных песен)	
2.1. Фольклорная коллективная языковая личность и ее отражение в традиционной колыбельной песне.....	30
2.2. Когнитивно-коммуникативный анализ колыбельной песни как производного жанра заговорной поэзии.....	35
2.3. Поэтический знак в фольклорном дискурсе: прагматика и грамматика.....	38
Выводы по 2 главе.....	43
Глава 3. Исследование текстов колыбельных песен Белгородчины на уроках русского языка как источник лингвокраеведческого материала	
3.1. Тематика лингвистических исследований на материале региональных текстов	45
3.2. Диалектные и региолектные элементы языка белгородских колыбельных	48
3.3. Дидактические материалы и методические разработки по	54

использованию колыбельных песен Белгородчины на уроках русского
языка с региональным компонентом

Выводы по 3 главе.....	60
Заключение	62
Литература	66

ВВЕДЕНИЕ

Одним из самых перспективных и актуальных направлений в отечественной лингвистике является когнитивный подход к изучению языка, получивший свою теоретическую основу в виде нового способа организации лингвистического знания – когнитивно-дискурсивной парадигмы. Методология этой парадигмы была сформулирована Е.С. Кубряковой: «...согласно теоретическим представлениям в этой новой парадигме, по сути своей парадигме функциональной, при описании каждого языкового явления равно учитываются две функции: когнитивная (по их участию в процессах познания) и коммуникативная (по их участию в актах речевого общения). Соответственно, каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [Кубрякова 2004: 3-12].

Исследование дискурса (это понятия можно назвать одним из наиболее употребляемых понятий в современном мире лингвистической науки) тесно связано именно с коммуникативной составляющей функциональной парадигмы, о которой писала еще в начале XXI столетия Е.С. Кубрякова. Ведь именно в дискурсивном контексте различные языковые понятия при культурной коммуникации (общении) имеют возможность приобретать иной смысл, особые характеристики, ассоциативные значения, что является неотъемлемой частью речевой деятельности носителя языка.

Одним из значимых элементов фольклорного дискурса является традиционная колыбельная песня, которая в жизни коллективной языковой личности занимает особое место. Колыбельные песни, по мнению И.Г. Гердера, немецкого культуролога и философа, – это «известнейшие напевы нации, в которых этнические особенности людей отражаются в их фантазии и страданиях» [Гердер 1998: 31]. Это определение указывает на важнейшую особенность языка фольклора в целом и фольклорной

колыбельной в частности – это способность к отражению мировидения народа, тех специфических особенностей, которые формируют менталитет нации.

Колыбельная – древнейший жанр песенного фольклора, аккумулирующий в себе культурологическую информацию, вырабатываемую народами на протяжении веков. Именно материнская поэзия, обращенная к человеку, только начинающему жить, транслирует ценностно ориентированную систему мировидения, помогая ребенку и на бессознательном, и на вербальном уровне знакомиться с окружающей действительностью и находить себя в ней. Специфика архитектоники колыбельной позволяет тексту иметь несколько вариантов, известных языковому коллективу конкретного народа, и модифицироваться в процессе исполнения под воздействием коммуникативных мотивов и задач, поставленных перед адресантом текста. Когда исполнитель укачивает ребенка, он «нанизывает» на архетипическую модель древней колыбельной ряд образов и индивидуальных ассоциаций, возникающих в данный момент коммуникации.

Вопрос о генезисе фольклорной песни остается открытым. Ученые связывают материнские песни с заговорной поэзией, выдвигая гипотезы именно об обрядово-религиозных истоках колыбельных. Ряд исследователей предполагает, что основополагающим мотивом создания фольклорной языковой личностью этих текстов является желание успокоить и усыпить ребенка монотонной мелодией, создаваемой материнским голосом. Однако, работы, направленные на изучение текстов колыбельных, объединены мыслью о том, что процесс исполнения традиционной песни во время укачивания ребенка не предусматривает заблаговременной подготовки текста. Он либо хранится в так называемой «культурной памяти» (Морис Хальбвакс) и воспроизводится без изменений, либо обогащается мотивами и деталями, транслирующими мысли, переживания и волнения поющего.

Особое внимание русская традиционная колыбельная получает в первой половине XIX века, когда вектором отечественной научной мысли становятся вопросы этнографии и фольклора. Первая публикация текстов народных колыбельных была зафиксирована в 1838 году во второй части сборника «Песни русского народа» И.П. Сахарова. В раздел семейных и обрядовых песен помещаются традиционные колыбельные в сборниках П. Бессонова (1868) и П. Шейна (1898).

Следующим этапом изучения фольклорной колыбельной становится исследование А.В. Ветухова, его обширная научная статья «Народные колыбельные песни» в журнале «Этнографическое обозрение» [Цит. по: Соколов 1931: 388-390]. Ученый особое внимание уделяет прагматике народного текста, функциональной нагрузке жанра. Впервые звучит мысль о национальной специфике текста колыбельной песни, об особом положении древней материнской песни в обрядово-мифологическом восприятии мира и в бытовой действительности славянского народа.

Отметим работы Г.С. Виноградова 20-х годов XX века, в которых были сделаны некоторые существенные замечания по теории жанра, обоснована нецелесообразность включения колыбельных песен в детский фольклор. Особое значение Г.С. Виноградов придавал условиям бытования и исполнения фольклорных произведений, особенностям включения их в детские игры. В книге О.И. Капицы «Детский фольклор» впервые звучит идея о возможности реализации прагматики колыбельной песни другими жанрами, композиционный строй которых будет иметь специфическую «мелодию и припев»: «баю-баюшки» или «люли, лю-ли-лю». Также в работе исследователя проработаны такие характеристики жанра материнской поэзии, как 1) специфическая лексика, 2) простота синтаксических конструкций, 3) «повторение одного и того же члена предложения», 4) «импровизация исполнения» и т.д. [Капица 1928: 205].

Традиционным «убаюкивающим» песням уделил внимание и М.Н. Мельников в работе «Русский детский фольклор». В рамках теории

«формульности» традиционных жанров М.Н. Мельников делает вывод о наличии большого количества повторов в тексте колыбельной песни: «аллитерации, ассонансы, синонимы, тавтологии, повторы слов в одном стихе, цепевидные повторения слов смежных стихов, повторение целых стихов, местоимений с предлогами и без предлогов, служебных слов, звукоподражаний» и т.д. Исследователь также выдвинул гипотезу о происхождении основополагающих мотивов колыбельной песни, генезис которой можно объяснить, по мнению ученого, теорией социального отражения. Мотив угощения, вкусной еды для малыша, включает автор исследования, обусловлен постоянным крестьянским голодом. Мотив красивого и богатого убранства колыбели, дома – образы, репрезентирующие представления славянской коллективной языковой личности о благополучии и достатке. Образы мифологического мировосприятия, зафиксированные в тексте – результат крестьянских суеверий, занимающих в сознании и организации быта народа особое место [Мельников 1987: 20-21].

Современная фольклористика не стоит на месте, большой вклад в развитие исследования традиционной колыбели сделали такие ученые, как американский исследователь Ш. Спитц (1979, 1993) и отечественный фольклорист В.В. Головин [Головин 2000]. Однако, отметим, что все перечисленные научные труды посвящены в основном прагматике жанра, рассматриваемые языковые средства представлены в функции создания поэтического произведения для убаюкивания и воспитательного воздействия на ребенка.

В нашем исследовании текст фольклорной колыбельной становится материалом для когнитивно-дискурсивного анализа, позволяющего рассмотреть не только специфику коммуникативной ситуации реализации жанра, но и выявить базовые константы национального мировидения, получившие свое вербальное воплощение в традиционном тексте.

Проблема репрезентации национального лингвокультурного сознания в традиционных текстах, в отличие от идеи описания фольклорного дискурса,

в науке не нова. Еще в XIX веке В. фон Гумбольдт высказал идею о «народном духе как духовном этническом начале, созидающем языковую систему и детерминирующем специфические черты ее структурной организации». Идея языка как «наиболее яркого и беспримесного выражения национального сознания» [Климас 2005: 3] получает развитие в работах таких известных ученых, как А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, А.Н. Веселовский, А.А. Потебня, Н.В. Крушевский, В.Н. Топоров, Н.Ф. Алефиренко и др. Изучение системы ценностей нации через язык русского фольклора – предмет исследовательского интереса современных лингвофольклористов: Е.Б. Артеменко, О.В. Волощенко, И.С. Климас, А.Т. Хроленко, В.А. Черваневой и др.

Понятие «фольклорный дискурс» в современных исследованиях встречается достаточно часто, однако оно еще не получило своего целостного описания. В работе Ю.А. Эмер впервые в отечественной лингвистике была предложена модель описания фольклора как дискурса [Эмер 2011]. Исследования в рамках когнитивно-дискурсивного анализа активно развиваются. В работах Ю.В. Мамоновой и Г.Х. Бухаровой описываются бытовая сказка и башкирский народный эпос, анализируются конкретные фольклорные произведения с целью выявления особенностей концептуальной системы, реконструкции отдельных фрагментов картины мира [Мамонова 2004, Бухарова 2009].

Но, несмотря на столь богатый имеющийся исследовательский материал, проблема описания когнитивно-дискурсивного пространства колыбельного жанра остается нерешенной. **Актуальность** проводимого исследования заключается в настоящей потребности лингвистической науки в подробном и глубоком изучении когнитивно-дискурсивных истоков фольклорной колыбельной песни, представляющих специфику существования жанра пестования и репрезентирующих фрагменты национальной картины мира,

Объектом нашего исследования стали тексты русских фольклорных колыбельных песен. **Предметом** исследования стали когнитивно-дискурсивные особенности колыбельного жанра, имеющие специфическую репрезентацию в народных песенных текстах. **Цель** работы заключается в изучении и описании когнитивно-лингвистических особенностей фольклорной колыбельной песни как средства репрезентации фольклорного дискурса.

Целью обусловлена постановка следующих **задач**:

- 1) изучить имеющийся лингвистический материал по теории фольклорного дискурса;
- 2) осмыслить исследовательскую литературу, посвященную жанру колыбельной фольклорной песни, степень разработанности вопроса когнитивно-дискурсивного анализа фольклорного текста;
- 3) собрать и систематизировать материал, посвященный проблеме генезиса фольклорной колыбельной песни, репрезентации в языке фольклора фрагментов национальной картины мира;
- 4) выявить специфические характеристики фольклорной коллективной языковой личности (на материале народной колыбельной песни);
- 5) рассмотреть коммуникативно-прагматические параметры текста традиционной колыбельной как составляющие фольклорного дискурса;
- 6) провести детальный анализ основных концептологических образов колыбельной песни как репрезентантов национального сознания;
- 7) охарактеризовать грамматический строй текста колыбельной песни в аспекте реализации жанровой прагматики
- 8) разработать методологические рекомендации и материалы для работы с текстами традиционных колыбельных песен на уроках русского языка.

Работа состоит из 3 глав:

1. Лингвофольклористика в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы

2. Универсальные коммуникативно-прагматические характеристики фольклорного дискурса (на материале фольклорных колыбельных песен)

3. Исследование текстов колыбельных песен Белгородчины на уроках русского языка как источник лингвокраеведческого материала

Первая глава посвящена созданию модели описания фольклорного дискурса на материале текстов колыбельных песен. Созданная модель включает описание в качестве базовых характеристик: 1) условия бытования – социокультурный аспект, 2) коммуникативную ситуацию и ее жанровое воплощение – коммуникативный аспект, 3) концептуальные структуры – когнитивный аспект, 4) языковые характеристики – лингвистический аспект.

Во второй главе подробно анализируется язык традиционной колыбельной песни, рассматриваются коллективная языковая личность и ее характеристики, отраженные в тексте колыбельной. Особое внимание уделено коммуникативно-прагматическим особенностям жанра, языковым средствам, выступающим в функции репрезентантов национального мировидения на семантическом, грамматическом и прагматическом уровнях.

Третья глава представляет собой методические разработки по использованию колыбельных песен Белгородчины на уроках русского языка с региональным компонентом. В главе представлены возможные темы исследования фольклорных текстов не только в рамках урока, но и в форме самостоятельной проектной деятельности.

Методы исследования, используемые в работе – описательный, сравнительно-сопоставительный и стилевой анализ.

Материалом исследования являются тексты колыбельных песен, зафиксированные в этнографических журналах и сборниках, в сборниках славянского фольклора В.С. Бахтина, В.Я. Проппа, В.П. Аникина, монографиях О.И. Капицы, В.В. Головина.

ГЛАВА 1.

ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКА В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

1.1. Фольклорный текст как объект для дискурсивного анализа: историко-теоретическое обозрение

Дискурсивный анализ традиционных текстов сегодня является одним из приоритетных направлений лингвофольклористики. Устное народное творчество рассматривается как особый тип коллективной речевой деятельности, созданный в определенных социокультурных и исторических условиях [Эмер 2011: 50]. Изучение компонента этой речевой деятельности – эстетически обработанного текста – предполагает выявление специфики образно-языковой, концептуальной систем, а также описание социальных, ментальных и коммуникативных контекстов, сопровождающих создание фольклорного произведения.

Как известно, текст в языкознании является первейшим и самым ценным объектом исследования. Именно текст как продукт речевой деятельности доступен для лингвистического анализа и позволяет описывать языковую систему в целом. Язык, по словам Л.В. Щербы, это «то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах (текстах), возникающих под влиянием этого языкового материала [Щерба 1974: 28]. Когда же внимание исследователей переместилось с объекта познания (языка) на субъект (говорящего), текст перестал быть исключительно формой трансляции языковых закономерностей, особенностей той или иной лингвосистемы. Теперь текст не только орудие познания языка, но и новый, самостоятельный объект для исследования.

Словесный текст, при традиционном подходе, представляет собой упорядоченный набор предложений-высказываний, предназначенный для выражения некоего смыслового содержания. Изучением содержательного плана занимается такая лингвистическая дисциплина, как теория текста, актуализирующая основные для понимания текста понятия: тема, подтема, идея. Особые языковые средства текстопорождения и связующие их механизмы (лексический повтор, синонимы, местоимения и т.п.) также являются традиционным предметом теории текста. Именно конфигурация используемых в тексте языковых средств определяет его художественную специфику, архитектонику (стилевые и ритмомелодические особенности).

Вторым этапом теоретического осмысления текста стал анализ коммуникативно-событийной среды, в недрах которой зарождается и формируется текст [Алефиренко 2013: 6]. В работах французских лингвистов это «околотекстовое» пространство впервые получило терминологическое обозначение – дискурс. Дискурс (фр. discours, англ. discourse, от лат. discursus ‘бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор’) – ‘речь, процесс языковой деятельности; способ говорения’ [Кибрик 2003: 10]. Речемыслительные процессы, происходящие в рамках этой коммуникативно-событийной среды, стали называть дискурсивной деятельностью. Интересно заметить, что в культурологических работах французских ученых под дискурсивным анализом подразумевается не исследование языка произведения, а рассмотрение результатов выражения в культурно-языковой среде некоторой мифологии [Степанов 1995]. Русский языковед же поместил французский термин в один синонимический ряд с такими понятиями, как «речь», «функциональный стиль», что свидетельствует о том, что понятие «дискурс» рассматривается отечественными учеными в рамках лингвистики текста.

Основная проблема определения «дискурса» – его соотношение с понятием «текст». Как утверждает Н.Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, специалист в области общего языкознания, когнитивной семантики,

лингвокультурологии и фразеологии, «дискурс – понятие более широкое, чем текст» [Алефиренко 2005: 6]. Продолжая эту мысль, Ю.С. Степанов подводит под категорию дискурса всю совокупность текстов, обладающих своими особенностями в грамматическом строе, лексиконе, семантике, словоупотреблении, синтаксической организации. Т.М. Николаева, доктор филологических наук, специалист в области общих проблем лингвистики и семиотики, подчеркивает многозначность термина «дискурс» и даже омонимичность его значений. Татьяна Михайловна указывает на такие значения, как: 1) связный текст, 2) устно-разговорная форма текста, 3) диалог, 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу, 5) речевое произведение как данность – письменная или устная [Николаева 1978: 29]. Ученые сходятся в одном: за дискурсом просматривается «особый мир» [Алефиренко 2013: 15].

Дискурс представляется лингвистам нелинейной организацией (в отличие от текста – линейного образования), сложной, открытой, саморазвивающейся системой. Если рассматривать дискурс в жанровом аспекте, то значение этого понятия можно определить так: речемыслительная деятельность и ее продукты (научные публикации, выступления по каналам СМИ, учебники, документы, проповеди, произведения писателей и т.д.), являющиеся средствами взаимного воздействия коммуникантов. В этом плане выделяют несколько типов дискурса: персональный, институциональный, научный, публицистический, политический, юридический, философский и др. Каждый из них обладает языковой, семантической и прагматической спецификой. Интересно, что жанр материнской поэзии нельзя отнести только к одному из перечисленных типов, что обусловлено генезисом и ситуацией бытования жанра. Устойчивые мотивы и аксиологические установки, реализующие педагогическую прагматику текста колыбельной, репрезентируют институциональный дискурс, реализующийся в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Ситуация же бытового общения матери с засыпающим

ребенком порождает индивидуальный материнский текст, выражающий личностное отношение адресата к адресанту. И в этом случае имеет место говорить о персональном (личностно-ориентированном) дискурсе.

Основы проведения дискурсивного анализа были заложены французской и англо-американской школами. А.А. Кибрик пишет, что «термин *discourse analysis* впервые был использован в 1952 г. Зеллигом Харрисом», американским лингвистом. Однако, как лингвистическая дисциплина дискурсивный анализ оформился к 70-м годам. В это время появились важные работы европейской школы лингвистики текста (van Dijk 1972, Dressler 1972, Petöfi 1971), а также фундаментальные американские работы (Labov 1972, Grimes 1975, Longacre 1976, Givon ed. 1980). К 80-м годам XX века дискурсивный анализ в отечественном языкознании, как уже говорилось выше, стал логическим продолжением развития дисциплины «Лингвистика текста» и получил статус определяющего направления в движении лингвистической мысли.

Дискурс – объект междисциплинарного изучения, не существует единого подхода, разделяемого всеми специалистами по дискурсу: лингвистами, литературоведами, этнографами, фольклористами, психологами, социологами, философами, юристами, педагогами, переводчиками, политологами и др. Этим обусловлено разнообразие видов дискурса: поэтический, драматический, политический, педагогический, фольклорный и др.

Необходимость обращения именно к фольклорному дискурсу (далее – ФД) в русском языкознании была проявлена особым образом в сложные исторические периоды, такие как становление государства, реформы, революции, войны. Ведь именно устное народное творчество оставалось той опорой в организации идеологических систем, которая формирует и сохраняет национальную самобытность, проявляет и оберегает особенности русской ментальности. Поэтому филологическая фольклористика развивалась не только согласно логике развития гуманитарных наук, но и в

тесной связи с общественно-политической, культурно-исторической ситуацией той или иной эпохи, оказывавшей влияние на круг поднимаемых научных проблем и на методы их решения.

Фольклористическая научная мысль прошла путь от сравнительно-исторического направления до функционализма. Накопление материала, изменение способов его описания, формирование и развитие методологического аппарата – все это обусловило появление и сосуществование таких научных концепций, направлений и научных школ в России, как: 1) мифологическая школа (Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев); 2) школа заимствования (А.Н. Пыпин, А.Н. Веселовский); 3) историческая школа (В.Ф. Миллер, Б.М. и Ю.М. Соколовы); 4) психологическая школа (А.А. Потебня); 5) этнографическое направление (Д.К. Зеленин); б) структурализм (В.Я. Пропп) и др. Среди зарубежных работ можно выделить: 1) школу американской этнолингвистики (Ф. Боас), исследования которой ориентировались на запись и анализ устных текстов разных языков; 2) чешскую лингвистическую школу (В. Матезиус), предметом исследования которой стали понятия «тема/рема», «коммуникативная организация текста».

Отметим, специфика исследования фольклорного текста, по-нашему мнению, заключается в том, что для исполнителя, транслирующего традиционный текст, важна не только сама ситуация коммуникации, но и тот информативный комплекс, который хранится в концептуальном пространстве фольклорного текста. Когнитивный аспект при работе с фольклором становится неотъемлемой частью дискурсивного анализа, поэтому имеет место говорить о перспективах когнитивно-дискурсивного исследования фольклора.

Однако до 70-х годов XX века лингвистические работы, направленные на изучение особенностей языка устного народного творчества, не имели статуса самостоятельных исследований, а лишь носили вспомогательный характер. Разрозненные наблюдения над языком фольклора в аспекте истории языка, стилистики и диалектологии послужили основой науки о

языке фольклора, целью которой стало рассмотрение языковых особенностей народной поэзии. Природа фольклорного языка, его специфика в сопоставлении с другими формами национального языка, взаимосвязь языка и фольклорной поэтики, фольклорная стилистика, диалектный и наддиалектный характер языка фольклора – все эти вопросы объединила отрасль науки о языке «Лингвофольклористика».

Эта дисциплина, название которой появилось в науке благодаря А.Т. Хроленко, занимается комплексным анализом языка фольклора, при помощи лингвистических методов и методов фольклористики рассматривает и выявляет место и функции языковых фактов в структуре фольклорного произведения. Но если на первом этапе внимание исследователей было обращено на эстетическую природу слова, на его конструктивные возможности, то следующим шагом стало обращение при анализе слова к его культурологическому контексту. Так в работах А.Т. Хроленко, Е.Б. Артеменко, В.А. Черваневой язык фольклора рассматривается как средство описания языковой личности в фольклорном дискурсе, для анализа менталитета нации, разработки когнитивных моделей [Хроленко 1994; 2000; Черванева 2004; Артеменко 2006].

Таким образом, «лингвокультурологическое исследование языка традиционных текстов на рубеже XX-XXI вв. аспектируется и трансформируется в когнитивно-коммуникативное, объектом которого является уже не только репрезентация культуры в языке, а репрезентация моделей мира, их актуализация в различных коммуникативных ситуациях». По мнению Ю.А. Эмер, ученого-лингвофольклориста, «изучение в когнитивно-дискурсивном аспекте языка является сложной задачей, что обусловлено неразработанностью модели описания ФД, недостаточной разработанностью анализа когнитивно-функциональных характеристик дискурса, выбором языковых данных, соотносящихся с экстралингвистическими данными...» [Эмер 2011: 16].

1.2. Описание традиционного фольклора в когнитивно-коммуникативном аспекте

«Спору нет: «язык не познает мир» (E.Coseriu). Но также справедливо и то, по словам Н.Ф. Алефиренко, что в языке получает отражение все разнообразие творческой познавательной деятельности человека».

Вопрос взаимосвязи культуры и языка когнитивной лингвокультурологии на современном этапе развития отражается в работах, исследующих способы вербализации национального менталитета. Вслед за Н.Ф. Алефиренко мы будем исследовать традиционный текст как «продукт ценностно-смыслового, то есть культурологического, восприятия действительности, получающего языковое воплощение в виде семантических элементов структуры значимых единиц языка (сем) [Алефиренко 2010: 82].

Выход за рамки смыслового содержания текста и привлечение в сферу исследования таких компонентов, как: а) коллективный народно-поэтический, б) персональный опыт всех участников дискурсивной деятельности (адресата, адресанта, мифологических персонажей и т.п.), в) условия формирования и функционирования фольклорного текста в реальной действительности и становится решением проблемы когнитивно-коммуникативного анализа традиционного фольклора. Обратим внимание, что с точки зрения лингвистического анализа в дискурсивном аспекте текст по своей сущности тесно связан с иными объектами (текстами, историческими событиями, фактами действительности и т.п.). Анализируемый текст нельзя исследовать как отдельное и самостоятельное семантическое образование. Что это значит? Текст, представляя собой линейную структуру, нелинейно одновременно контекстуально связан с другими несколькими системами, создавая с ними особое синергетическое поле-пространство. К таким системам, согласно теоретическим выводам ученых относятся:

- 1) порождающая текст действительность;

2) пространство взаимодействия сознания читателя с текстом, в котором не только осуществляется понимание смыслового содержания текста, но и создаются личностно пережитые образы, собственные воображаемые объекты;

3) подтекстовый информационный слой, исследование которого разъясняет завуалированные фрагменты содержания и выявляет неявные, скрытые смыслы и др. [Алефиренко 2013: 7].

Проблема генезиса жанра колыбельной песни не получила однозначного решения, однако выводы ученых связывают причины зарождения и специфические черты песен с функциональной нагрузкой жанра.

В.А. Пропп выделил следующие критерии различения жанров в фольклоре: «особенности поэтики, указание на бытовое применение, форма исполнения и отношение к музыке» [Пропп 1976: 34-46.]. Основываясь на теоретические выводы известного русского ученого-фольклориста, отметим, что именно бытовое применение является ключевым для определения жанра колыбельной песни. Именно прагматика традиционного текста обуславливает и форму исполнения, и композиционную специфику, и лингвистические особенности. Песня над колыбелью должна успокаивать младенца, вводить его в состояние сна звуковым рядом, монотонно повторяющимся, усыпляющей, размеренной мелодией, совпадающей с ритмом качания колыбели или качанием ребенка на руках.

Первым, кто рассмотрел колыбельную не просто как песню для успокоения, а как еще и проекцию «целой картины человеческой души», был А.В. Ветухов. Характеризуя основополагающие мотивы, которые лежат в основе традиционной песни, фольклорист, отмечает в текстовом пространстве колыбельной три «периода», три логико-семантических уровня:

1) мать «рассказывает ребенку об окружающем его мире, вводя образы животных, неодушевленных предметов»;

2) мать «задумывается о будущем младенца, текст наполняется материнскими пожеланиями и надеждами на счастье ребенка»;

3) мать «входит в область своих воспоминаний и раскрывает свое мирозерцание и свои духовные сокровища» [Ветухов 1892: 132-133].

«Созданием женщины-матери и пестуньи» назвал традиционные песни над колыбелью младенца Г.С. Виноградов [Виноградов 1997: 87], вводя определение особого жанра – «материнская поэзия или поэзия пестования». В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой читаем, что *пестун* – это «устаревшее наименование того, кто пестует, нянчит, заботливо выращивает, воспитывает кого-либо» [Ефремова 2000: 856]. Г.С. Виноградов, таким образом, продолжая мысли А.В. Ветухова, впервые обратил внимание не только на успокоительную функцию колыбельной, но и на функции педагогического воздействия. Идея воспитательной прагматики получила развитие в работах М.Н. Мельникова, где колыбельные песни рассматриваются как инструмент «педагогического воздействия на ребёнка, а для последнего – первичной формой освоения действительности, познания простейших форм взаимосвязи предметов окружающего мира» [Мельников 1987: 17-20]:

*«Спи, усни, –
Бай, бай, бай!
Угомон тебя возьми...
Спи, посытай,
Боронить поспевай.
Мы те шапочку купим,
Зипун сошьем;
Зипун сошьем,
Боронить пошлем
В чистые поля,
В зеленые луга»* [Аникин 1957: 199-200].

Э.С. Литвин в своей работе, посвященной жанрам детского фольклора, рассматривает пестовальные песни не только как произведения народной

педагогики, но и как способ отражения в слове чувств и переживаний матери а также любого поющего колыбельную, что подчеркивает личностно-психологический аспект колыбельной песни [Литвин 1972:59]:

*«Ой, горе моё, гореваньице,
Ах, кто кому достанется?
А баю люли, моё дитяtko,
А баю люли, моё милое.
А досталась сестра брату,
Сестра брату, теща зятю.
А брат сестру он на волю пустил,
А зять тещу во полон поладил,
И дал он ей три дела делать.
Одно дело – деток качать,
Другое дело – коров доить,
А третье дело – деток поить.
А по матушке – внучек мой,
А по батюшке – татарчик мой».* [Этн. сб. ИЦНТ 1998: 27]

В этом тексте доминирующую позицию в композиционном и семантическом плане занимают мысли поющего, которые проецируются в сюжете колыбельной в характерном для жанра обрамлении – с особой внутренней ритмикой. Таким образом, сюжетообразующим мотивом является не успокоение или защита адресата, а проявление душевного, внутреннего состояния адресанта. Такое личностно-психологическое наполнение текста возможно благодаря особой коммуникативной ситуации создания и исполнения колыбельной. Исполнитель (мать, няня, бабушка) в течение долгого времени убаюкивает неспящего младенца, стремясь его успокоить, адресант сам погружается в состояние дремоты. В таком состоянии поющего в ритм воспроизводимого текста, «впитывает» в себя события и факты, которые прочно «сидят» в сознании поющего.

В центре «кругозора колыбельного песнетворчества, считает Г.С. Добряков, стоит маленькое дитя, жизнь которого бедна содержанием и схематична и рассматривает колыбельную песню как метод психического воздействия на ребенка и способ взаимодействия матери и ребенка в процессе укачивания» [Добряков 1914: 145-156]. Данные исследований Педагогического института при Петроградском психоневрологическом институте, позволяют ученому анализировать воздействие ритма и музыки на адресата – ребенка и приходиться к заключению о том, что «жизнь дитяти в первые дни и месяцы после рождения отличается внешним характером, растительными процессами» [Добряков 1914: 145-156]. Таким образом, поэтические характеристики песен над колыбелью, по мнению Г.С. Добрякова, обусловлены коренными, жанровообразующими мотивами, среди которых главными выступают покой, сон, рост, питание.

И.И. Чумак-Жунь указала в своей монографии «Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков» на еще одну значимую функцию – эстетическую. Знакомясь с материнской поэзией, в частности, с колыбельными песнями, личность получает свой первый чувственный опыт поэзии. Древнейшая колыбельная служит «сенсорным репрезентантом» поэтического концепта не только для отдельной этноязыковой личности, но и для каждого следующего поколения в целом. Песня объединяет для детского сознания целый круг поэтических ассоциаций. Образы *темной ноченьки, работающего отца, заботливой матери, сереньких гулюшек, румяного пирожка*, обработанные размеренной мелодией, запечатлеваясь в «индивидуальном бессознательном», начинают играть основополагающую роль в формировании поэтического мировидения. Система персонажей, артефактов, отображенных в колыбельной, образует впоследствии систему художественных воззрений, в основе которой любовью к своему дому, к своей семье, к родной речи. Известно, что «образы и фантазии раннего детства обуславливают функционирование концепта как некоей психической реальности на протяжении всего периода

жизнедеятельности личности, причем переход к каждой последующей стадии развития концепта осуществляется не посредством замены или разрушения предшествовавших когнитивных форм, а на основе их сохранения в преобразованном виде на новой стадии развития» [Чумак-Жунь 2009: 104-105].

Проблема генезиса и функционирования жанра колыбельной песни в реальной действительности до сих пор не имеет однозначного решения. Несмотря на достаточно простую, на первый взгляд, первичную утилитарно-бытовую функцию – успокоить и ввести в состояние сна ребенка, особенности коммуникативной ситуации создания и исполнения колыбельных песен обуславливают многослойность их семантического интертекстового пространства. Это формирует такие уровни мотивов и целей коммуникативной ситуации исполнения жанра, как 1) выражение личностно-психологического состояния адресата, 2) педагогическое воздействие на адресанта, 3) эстетическое восприятие художественного слова и мелодики родной речи. Прагматические характеристики текста колыбельных позволили нам в рамках когнитивно-дискурсивного анализа описать некоторые фрагменты взаимодействия по схемам: «адресат и текст», «адресат и адресант», «текст и адресант».

Для нас важен такой компонент понятия «дискурс», как диалог. Дискурс, если его рассматривать как коммуникативный акт, предполагает наличие двух основополагающих ролей – говорящего и адресата. Когда роли участников дискурса перераспределяются, возникает диалог.

Также интересно мнение А.А. Кибрика о том, что «монолог – это частный случай диалога», так как и при монологической речи адресат необходим [Кибрик 2003: 10]. Ведь уникальность жанра материнской песни заключается в том, что текст может быть направлен и к традиционному адресату – ребенку, и к сознанию самого исполнителя, и даже к мифологическим образам, являющимся проявлением традиционной славянской картины мира (языческой и христианской):

*«Баю, баюшки, баю,
Не ложися на краю,
Придет серенький волчок
Лялю схватит за бочок, за бочок,
и потянет во лесок, во лесок,
под ракитовый кусток.
Ты волчок не приходи
Нашу лялю не буди,
Баю, баю, бай»*

*«А баю-баю-баю
Ходит кошка по краю
Она лыка дерет
Она лапти плетет.
А кому-то не дает
Ему сына женить
Да и дочь отдавать» [НП Белг.края 1996: 15].*

Итак, когнитивно-дискурсивный анализ фольклорного текста, затрагивает такие проблемы, как генезис, функционирование и условия бытования жанра, особенности поведения участников коммуникативной ситуации, создающейся при реализации жанровых установок фольклорного текста.

1.3 Реконструкция фольклорно-языковой картины мира как результат когнитивно-коммуникативного анализа традиционного текста

Изучение фольклора в когнитивно-коммуникативном аспекте подразумевает и обращение к так называемой «подтекстовой информации», образующей концептуальный, историко-культурный, аксиологический «ареол» традиционного текста.

Когнитивный аспект, согласно краткому словарю когнитивных терминов Е.С. Кубряковой, «выявляет связь знаний, заложенных в языке, с восприятием, познанием и мышлением фольклорного субъекта», а также раскрывает специфику традиционного восприятия и структурирования мира в виде различных когнитивных моделей [Кубрякова 1996]. Другими словами, такое исследование представляет язык как когнитивный механизм, который кодирует и трансформирует информацию, заложенную в традиционном сознании, представляет ее в вербализованной миромоделирующей системе. Именно когнитивный анализ народных песен (обрядовых, лирических, колыбельных), сказок, былин, пословиц, поговорок и других структур языка, позволяет увидеть русскую общефольклорную концептуальную систему.

Вспомнив замечательные слова А.А. Блока о том, что художественное произведение – это «покрывало, растянутое на остриях нескольких слов», «эти слова светятся как звезды» [Блок 1960: 245], хочется отметить, что, созданная поэтом метафора абсолютно точно определяет природу взаимоотношений народно-поэтического текста и наполняющих его слов. Эти слова выступают в роли репрезентантов доминантных текстовых концептов, которые «ткани произведения» функционируют как «этнокультурные сгустки» – основополагающие семантические узлы.

Фольклорные концепты, закрепившиеся в традиционном тексте, не только аккумулируют представления и понятия, составляющие ментальную систему мира предков, но и обладают свойством воздействовать на процессы ценностно-смыслового восприятия действительности новыми поколениями. «Это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой обычный человек, не «творец духовных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее», – читаем в научном труде Ю.С. Степанова [Степанов 1997: 40].

Именно поэтому огромное значение в процессах становления личности и формирования представлений о мире народная педагогика придает

фольклорным текстам, с которыми ребенок сталкивается в самые первые годы жизни. Материнский фольклор – колыбельные песни, пестушки, потешки и т.п. – в своей архетипичной прагматике направлен на формирование первичных пространственно-временных и ценностных ориентиров. Сложный, но жизненно необходимый комплекс знаний об устройстве мироздания и месте человека в нем частично сосредотачивается в масштабном концепте-архетипе русской культуры «Дом».

Семантическая структура концепта «Дом», представленного в тексте колыбельных, помогает младенцу на бессознательном уровне освоить окружающее пространство (пространство колыбели, комнаты, дома, улицы, леса и т.д.) и даже осознать границы своего тела (тело воспринимается как «дом для души»). Огромное значение в восприятии пространственно-смысловых координат имеет понятие «край», включающее в себя смысловые «контуры» и «границы».

Выделение края как контура объекта определяет успешность формирования предметного восприятия. На этом строится способность личности ориентироваться в пространстве внешнего мира [Грановская 1991: 202]. Для ребенка – дискурсивно обусловленного адресата колыбельной песни – понятие «край» с психологической точки зрения является одной из самых ранних и прочувствованных характеристик пространства.

Автор монографии «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых» М.В. Осорина пишет: «Как только познающий ребенок-наблюдатель становится способен выделять контуры, т.е. края отдельных вещей, из общего фона окружающего мира, его восприятие делается предметным. Он видит мир уже не как хаос невнятных движущихся и статичных пятен (что свойственно совсем крошечным детям), а как вмещилище отдельных предметов, каждый из которых имеет свои очертания, границу, отделяющую его от фона всего остального» [Осорина 2008: 20]. Тексты материнского фольклора, вербально оформляя когнитивный образ края, помогают ребенку сформировать осмысленный образ не только

окружающих предметов, но и собственного тела: *Потягушечки, / Порастушечки, / Вдоль да поперек / Толстушечки! / Ручки-хватушечки, / Ножки-ходушечки...* (Науменко, 1998: 153).

Телесный контакт при проговаривании подобных текстов является одним из условий постижения ребенком культурной программы освоения пространства телесного «Я», телесного «дома».

Понятие края в традиционной культуре реализуется на материале мифологического образа границы двух миров: реального и ирреального, безопасного и опасного, своего и чужого. При этом в материнском фольклоре обозначение края позволяет выстроить для младенца особую модель мироустройства, основанную на противопоставлении пространства дома ('защита') и пространства вне дома ('опасность'): *«Баю-баюшки-баю, / Не ложися на краю: / Придет серенький волчок, / Он ухватит за бочок, / И потащит во лесок, / И положит под кусток»* [БГЦНТ 1999: 17].

Интересно отметить, что традиционные для фольклорной колыбельной песни образы животных также противопоставлены по принципу «жизнь в доме – жизнь вне дома». Система образов «помощников», призываемых согласно сюжету фольклорной колыбельной для успокоения младенца, представлена такими животными, как кот (*котичка, коток, котик, киса, кица*), голубь (*гули, гульки, гуленьки*) и др., а система образов «вредителей» включает следующие номинации животных: волк (*волчок*), собака (*собачка*). Функциональное распределение осуществлялось, вероятно, также с опорой на знания о естественной жизни животных: манера поведения (*кот любит спать, волк – агрессивное и хищное животное*), звуковая характеристика (*собака громко лает, голубь тихо воркует*).

Доминирующую позицию среди образной системы колыбельной занимает образ кота. В украинской и белорусской традициях есть даже жанровое обозначение колыбельной песни через сюжет с котом – «Спивать *кота*» [Капица 1928: 43]. Дело в том, что в славянской фольклорно-языковой картине мира *кот* – магическое животное, связанное с потусторонним миром

(Кота убить – семь лет ни в чем удачи не видать [Даль 2011: 269]. Именно кот становится проводником в мир злых духов или в мир сновидений (состояние сна по древним поверьям приравнивалось к состоянию смерти) [Головин 2000: 241]. Более того, русский фольклор тесно связывает кошку с домовым: кот – помощник, «скотинка» домового, домовый – «хозяин», кошка – «хозяйка» [Даль 2011: 271]. Так краткий обзор культурно-семантического блока, заложенного в лексеме кот, дает основание говорить об особой смыслопорождающей роли языкового знака кот в семантическом поле концепта «Дом»

Из всего вышесказанного следует, что концепт «Дом», реализуемый в фольклорно-языковой традиции, эксплицируется не только в широко известных национальному этносознанию семах-конституентах, (*дом – ‘кров’, ‘убежище’; дом – ‘место жительства’; дом – ‘символ жизни семьи’; дом – ‘символ человеческой личности’; дом – ‘тело человека’*), но и включает в себя смыслы, порожденные наивно-мифологическим мировосприятием (*дом – ‘безопасное пространство’; дом – ‘граница, защищающая от угрозы ирреального мира, мира злых духов’*).

Таким образом, концептологический анализ текстов народных колыбельных песен показал, что одним из ключевых элементов концептосферы материнского фольклора является концепт «Дом» – репрезентант национального мировидения. Исследование концепта «Дом» в аспекте наивно-мифологического мышления дополнило представление о семантическом поле концепта значением ‘безопасное пространство’, ‘граница’, ограждающая реальный мир от ирреального, мира злых духов.

Закрепившиеся в рассматриваемом нами традиционном тексте фольклорные концепты не только аккумулируют представления и мнения, составляющие ментальную систему мира предков, но и обладают свойством воздействовать на процессы ценностно-смыслового восприятия действительности новыми поколениями.

Выводы по I главе

1. Актуальность когнитивно-дискурсивного описания фольклорных текстов на современном этапе развития лингвистической мысли обусловлена логикой научного описания языка в целом и народного творчества в частности. Движение исследований от системного описания к исследованию особенностей функционирования языка приводит лингвофольклористику к проблемам описания моделей мира, получающих вербальную репрезентацию в текстах народной поэзии, к вопросу их актуализации в процессах коммуникации.

2. Исследование фольклорного текста в когнитивно-дискурсивном аспекте на сегодняшний день является сложной задачей в связи с недостаточной разработанностью алгоритма описания фольклорного дискурса, неупорядоченности критериального подхода в выделении когнитивно-функциональных характеристик дискурса.

3. В нашей работе качестве элементов модели описания фольклорного дискурса выступают социокультурные, коммуникативные, когнитивные и языковые характеристики.

4. Несмотря на достаточно простую, на первый взгляд, первичную утилитарно-бытовую функцию – укачать, усыпить ребенка, социокультурные особенности создания и исполнения колыбельных песен обуславливают многослойность их семантического интертекстового пространства.

5. Ученые выдвигают гипотезы о том, что тексты колыбельных текстов обладают воспитательно-педагогической прагматикой, выражают индивидуально-личностные переживания исполнителя, а также хранят в себе комплекс традиционных знаний о мироустройстве и мировосприятии.

6. Уникальность коммуникативной ситуации, создаваемой жанром материнской поэзии, заключается в том, что текст колыбельной песни может быть направлен и к традиционному адресату – ребенку, и к сознанию самого исполнителя, и даже к мифологическим образам.

7. Лингвокогнитивное исследование истоков русской народной колыбельной песни подразумевает работу с концептосферой славянской языковой культурой. Концептосфера представляет собой систему этнокультурных понятий – концептов, отражающих специфику национального лингвокультурного сознания.

8. Формирование системы пространственно-временных координат, в коммуникативной ситуации исполнения колыбельной песни происходит на уровне концептуального восприятия. Одним из основополагающих в структуре ценностно-нравственных ориентиров национального сознания является концепт «Дом». Его семантическая архитектура отражает миропонимание фольклорной языковой личности (создателя и исполнителя традиционной колыбельной), осознание человека в пространстве окружающего мира.

ГЛАВА 2.

**УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ФОЛЬКЛОРНОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН)**

**2.1. Фольклорная коллективная языковая личность и ее отражение
в традиционной колыбельной песне**

Фольклор – это создаваемая народом и бытующая в народных массах поэзия. В фольклоре народ отражает свою трудовую деятельность, свой общественный и бытовой уклад, свои знания о жизни, о природе, свои культы и верования. В фольклоре воплощены воззрения, идеалы и стремления народа, его поэтическая фантазия, богатейший мир мыслей, чувств, переживаний, протест против эксплуатации и гнёта, мечты о справедливости и счастье.

Колыбельная является прототипическим жанром народной песенной поэзии, создававшимся с конкретной практической функцией убаюкивать младенца. Однако колыбельные содержат в себе многослойный информативный комплекс, позволяющий текстам колыбельных реализовывать одну из важнейших когнитивных функций – отражение фольклорной коллективной языковой личности.

В антропологистике понятие «языковая личность» возникло еще в XVIII-XIX вв. в работах В. фон Гумбольдта и И.Г. Гердера, где трактовалось как ‘носитель национального языка’. В. фон Гумбольдт писал: «язык развивается только в обществе, и человек понимает себя только тогда, когда на опыте убедится, что его слова понятны также и другим людям» [Гумбольдт 2000: 77]. Идеи лингвистов-философов получили свое продолжение в трудах Л. Вайсгербера, который впервые указал на индивидуальный характер владения языком и зависимость языковой личности от того языкового сообщества, к которому личность относится:

«...язык представляет собой всеобщее культурное достояние. Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу...» [Вайсгербер 2004: 81].

В современном языкознании собственно национальная языковая личность представляет собой «ядро, играющее первостепенную роль как в речевой, так и в письменной деятельности, реализующейся в коммуникативном процессе между членами одного или разных обществ. Это носитель определенных ценностей, веками накопленных и передающихся из поколения в поколение посредством языка как знаковой системы в широком смысле этого слова» [Цит. по: Летова 2004: 20].

«Коллективная языковая личность этносоциума, – заключает лингвист О.А. Никитина, – представляет собой «кристаллизацию» совокупного речемыслительного опыта множества индивидуальных языковых опытов, их функционально-дискурсивное лингвокультурное единство, отражающееся в языковой и – шире – концептуальной картине мира в определенную историческую эпоху». Таким образом, текст фольклорной колыбели рассматривается нами как коммуникативный акт коллективной языковой личности, который является «неинтенциональным следствием множества индивидуальных актов, специфичных и индивидуальных» [Никитина 2016: 84].

В работах Ю.Н. Караулова находим следующее определение понятия «языковая личность»: «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)...». Следовательно, способности адресата колыбельных песен следует, вслед за лингвистами, рассматривать в соответствии с особенностями порождаемых им текстов.

Языковая личность, по мнению Ю.Н. Караулова, структурно характеризуется тремя уровнями: 1) вербально-семантические характеристики (слова, словосочетания, стандартные формульные фразы), 2)

когнитивные характеристики (репрезентация концептуальной и аксиологической матрицы), 3) прагматические характеристики (способы реализации коммуникативных целей и задач, применение коммуникативных стратегий и установок) [Караулов 1987: 3]. Интересно, что тексты колыбельных песен также композиционно представляют собой многослойную информационную структуру, включающую следующие компоненты.

Фактическая информация о мире. Этот блок вербализован посредством устойчивых формул, словосочетаний, фраз («*Через бабушкин дворок / Летел ясный сокол*»; «*Люли, люли, люленьки, / Летят сизы гуленьки*»; «*Пошел отец за рыбою, / Мать пошла пеленки мыть, / Бабушка дрова рубить*»). Адресант колыбельной песни включает в сюжет песни образы животных, детали крестьянского быта, описание семейных традиций для того, чтобы уже с младенчества приобщать ребенка к родной культуре. Фактическая информация, составляющая основу сюжета колыбельной песни, может рассказать о том, как жили, чем занимались крестьянские семьи. В колыбельной исполнитель рассказывает о своем ежедневном домашнем труде, уходе за скотом, земледелии, рыболовстве, охоте, рукоделии.

Концептосфера и аксиологическая система фольклорной языковой личности. На основе описания пространственно-временных координат, лексико-понятийных доминант текста народной колыбельной возможно восстановить элементы национальной картины мира, имплицитные и эксплицитные проявления коллективной нормы – ценностной ориентации.

Так, «очерченные» в колыбельной пространственно-временные координаты становятся основополагающими в миропонимании и адресата, и адресанта фольклорной колыбельной. Мир представляется младенцу безопасным (гармоничным, соответствующим норме) лишь в пределах «своего» пространства, в качестве которого в колыбельной песне выступает традиционный образ дома, семьи, пространство самой люльки, где лежит младенец.

Отметим, что именно колыбель (*качуля, люля, зыбка*) с младенцем выступает центром жанрового пространства, это самое первое и самое безопасное место пребывания младенца. Поэтому колыбель в текстах получает развернутое описание как средоточие красоты, гармонии и безопасности [Бондаренко 2015: 19]: «*Зыбочка дубовая, / Огибочка шелковая. / На высоком столбу, / На точёном брусу, / На серебряном крюку. / Ремни бархатные, / Колечки витые, / Пробойцы золотые. / Под холщёвым положком / Сон Алёшеньку нашёл*» [Элиаш 1960: 122]. Богатство и разнообразие лексических средств, описывающих колыбель, демонстрирует особое отношение поющего к адресату, заботу матери о комфорте и безопасности младенца.

Выход за пределы «своего» мира неизменно приводит к нарушению гармонии, более того, для младенца, незащитного перед силами зла, согласно славянским поверьям, такое нарушение границы опасно для жизни и здоровья: *Не ходи-ко на тот край, / Под своим окном играй. / В том краю собачки злые, / Есть ребятки боевые, / Набьют батожками, / Закидают камушками* [Кузюлев 2005: 12]. Таким образом, ценностное воплощение локуса и топоса колыбельной песни уточняется через систему бинарных оппозиций, фокусирующих два оценочных полюса – «свое – чужое»: «внутренний – внешний», «домашний – дикий», «близкий – далекий», «родной – неродной».

Особая организация картины мира в колыбельной песни направлена на актуализацию центрального в аксиологической системе славян концепта – «Семья». В традиционных текстах доминируют лексико-семантические группы обозначения родства, внутрисемейных отношений (*мама, мамушка, отец, батя, тятя, бабушка, братец* и т.д.). Текст колыбельной предлагает ребенку положительные социальные стереотипы, регламентирующие отношения внутри общества и семьи: уважение к старшим, любовь к труду, забота о младших. Безусловно, подобные эксплицитные проявления ценностных установок доступны ребенку, уже способному понимать речь

говорящего. Однако, для младенца в первые годы жизни контакт с окружающим миром через текст колыбельной тоже необходим и важен, так как позволяет на эмоционально-эстетическом уровне познакомить младенца с ценностными ориентирами общества, почувствовать свою значимость в мире взрослых.

Коммуникативно-прагматические установки. Специфика коммуникативного пространства фольклорной колыбельной песни, по словам Д.Т. Мухамадиевой, «представляет собой совокупность различных форм коммуникаций с использованием различных специфических кодов (вербального, музыкального, тактильно-соматического, паравербального), с помощью которых осуществляется взаимодействие адресанта и адресата речи, происходит передача того или иного содержания от одного сознания к другому посредством языка и других знаковых систем, зафиксированных на материальных носителях». Песня матери складывается из особых рефренов, скрепляющих мотивы-куплеты колыбельной: *баю-баю, люли-люли, баю-побаю, качи-качи-качи, байки-побайки, баю-баюшки-баю* и др. Жанрово ограниченные междометия, благодаря открытому слогу в конце слова, создают музыкальную канву всей песни

Повторимся, прагматика текста, создающегося между коммуникантами в момент укачивания ребенка не ограничивается лишь задачами успокоения и убаюкивания. Текст колыбельной – это а) выражение внутреннего состояния матери («*Бай-бай, бай-бай! / Я Костюшеньку люблю, / Костю вицей не секу. / Бай-бай, бай-бай, / Костю вицей не секу - / Лучшее яичко испеку*»), б) обращение к христианским образам с просьбой о помощи в укачивании и воспитании ребенка («*Спи, дитя, спи, дитя, / Богородица у тя. / Она милостива, / Тебя вырастила. / Тебя вырастила*»), в) сакральный обряд «обмана» злых духов, стремящихся, согласно языческому мировидению славян, нанести вред малышу («*Из-за кусточку, из-за ельнику / Бежит серенький волчок, / Берет Ваню за бочок, / И несет на краек*»), г) репрезентация представлений исполнителя о счастье и благополучии («*Баю-*

баеньки, купим Тане валенки / Наденем на ножки / пустим по дорожке, / Будет Танечка ходить, будет валенки носить»), д) процесс пожелания-заговора младенца на здоровье и светлое будущее («*Спи, спи, усни! / Будешь большой – / Будешь рыбку удить, / Тетерку ловить, / Будешь лес рубить, / Тятю, мамку кормить*») и др.

В науке существует мнение о том, что идеализация будущей жизни младенца – это реакция на действительность, не соответствующую представлениям коллективного адресанта о счастье [Мартынова 1997: 11]. Такое толкование прогностических мотивов колыбельной отрицает веру самого адресанта в возможность претворения придуманного сюжета в жизнь, что принципиально противоречит традиционным представлениям предков о сакральной силе произнесенного слова. Мы придерживаемся точки зрения В.В. Головина, отмечавшего генетическую связь колыбельной песни с ритуальными текстами, где каждое произнесенное слово наделялось способностью моделировать действительность, и считаем, что положительная коннотация прогностических мотивов колыбельных обусловлена желанием адресанта «заговорить» счастливое будущее адресата текста [Головин 2000: 104].

2.2. Когнитивно-коммуникативный анализ колыбельной песни как производного жанра заговорной поэзии

«Родится человек на смерть, а умрет на живот» [Головин 2000: 104], – так говорили наши предки о круговороте жизни в мире. Славянское мировосприятие видело жизненный путь человека как прохождение неких этапов: детство, взрослость, старость. Начало и конец этого пути смыкаются в одной точке – бесконечности.

Младенчество, в понимании наших предков, самый ответственный и опасный период, переход из мира мертвых в мир реальный. Помочь ребенку освоиться в новом для него мире, защитить его от злых духов могло лишь слово, обладающее сакральной силой. Поэтому такие жанры народного

словесного творчества, как заговор и колыбельная песня стали своеобразными «спутниками» младенца и его семьи.

Проблема генезиса жанров фольклорного творчества по-прежнему остается открытой. Колыбельная песня и заговор – являются древнейшими образцами народной культуры, отражающими быт, мировоззрение, систему ценностей предков. Единство выявленных мотивов, лексических формул и прагматических установок в материнской и заговорной поэзии дает основание современным лингвистам и культурологам говорить о «генетическом родстве» этих жанров.

Во-первых, ученые акцентируют внимание на исторической семантике глагола «баять» и его этимологической связи с понятием «баюльная песня».

Во-вторых, колыбельные песни дополняют комплекс родильных обрядовых песен, в основе которых именно заговорные формулы: *«Вода-водица, // Морская царица, // Мыла, полоскала // Пенья, коренья, // Желты пески, // Травы шелковы, // Луга зелены. // А с моего младенца // С белого тела, // С ретивого сердца // Все скорби, болезни // Смой, сплочи!»* [Науменко 1998: 53].

Отметим, что одним из основных жанровообразующих признаков текста заговорной поэзии является его прагматика – направленность на изменение действительности. Именно заговор, по мнению ученых-фольклористов, является первой попыткой человека с помощью сакральной силы слова воздействовать на мир. Принятие славянами христианства обусловил «переход» заговорной формулы в апокрифические тексты, тайные духовные стихи. [Петрухин 1995: 185-186]. Тексты колыбельных песен также перенимают от заговоров прагматику воздействия. При этом баюльные тексты обращены и на непосредственного адресата (*«Баю, баю, маленький брат. // Время темное еще, // Время раннее еще, // Ты не бойся ничего»*), и на мир вокруг младенца (*«Ты, собачка, не лай, // Нашу Машу не пугай»*), и на будущее семьи (*«Купим сыну валенки // Наденем на ножки, // Пустим по дорожке // Будет наш сынок ходить, // Новы валенки носить»*) [БГЦНТ

1999: 4-18]. Заговорные мотивы материнской пестовальной поэзии находят свою реализацию посредством особых языковых форм: категории повелительного наклонения глагола (воздействие на действительность), введения категории будущего времени (как стимул развития позитивного): *«Ты расти-расти, дитя, // Только есть у ты добра - // Родна матушка одна. // С тобой водится она, // Беспокоится сама. // Да повырастит тебя // В удалого молодца: // В чисто поле – сева, // В озерышко – ловца, // Во лесочке – секарька, // На гумешко – молотить, // Под окном дрова пилить»* [БГЦНТ 1999: 22].

Интересной в рамках полемики о «генетическом родстве» колыбельной песни и заговора представляется нам работа И.С. Карабулатовой, написанной по итогам этнографической экспедиции по Сибири. Ученый-фольклорист говорит о том, что у северных народов (хантов) сохраняется особое отношение к текстам колыбельных песен (как к тайному знанию). «Колыбельная является даже сегодня у хантов «штучной»: при рождении малыша бабушка и мать придумывают ему персональную песню, которая «встраивает» нового члена общества в систему семьи, рода, объясняя младенцу его цели и задачи, которые он должен реализовать в течение жизни», - пишет исследователь [Карабулатова 2004: 65-67].

Работа И.С. Карабулатовой вступает в дискуссию с монографией В.В. Головина, где знание колыбельных песен, в отличие от знания заговоров, не признается сакральным. Валентин Вадимович отрицает теорию происхождения колыбельной песни от заговоров, особо отмечая гетерогенность жанра материнской поэзии: «в ней встречаются не только заговорные формулы, но и формулы лирической песни, свадебной лирики, сказочные формулы, формулы колядок и других жанров». Исследователь утверждает, что «колыбельные песни контактирует со строго ограниченным комплексом заговоров – заговоры при парении младенца и заговоры на его сон, обереги». Более того, колыбельная песня, пишет автор, «проявляет строгую избирательность в использовании формул и мотивов заговоров, она

контактирует только с теми заговорами, которые в целом не нарушают ее пространственного поля и образного ряда» [Головин 2000: 92-103].

Выводы В.В. Головина подтверждают «генетическую связь» народных древнейших жанров, но отрицают возможность происхождения колыбельной из заговорной традиции.

На наш взгляд, выявленное в текстах колыбельных и заговоров тождество лексических формул, мотивов, прагматических установок, условий бытования (воспроизведение текста в установленное время, с особой интонацией, с определенным ритмом) дает основание говорить о едином для исследуемых жанров когнитивно-дискурсивном истоке, рассматриваемом нами как элемент фольклорного дискурса. Такое «производное пространство» представляет собой сложную и нелинейно организованную систему народно-поэтических текстов, образно-речевые формулы которой имеют общие лингвальные, прагматические, социокультурные, психические, паралингвистические свойства [Чумак-Жунь 2009: 21], исследование которых в русле лингвокогнитивистики и теории дискурса интересно и перспективно.

2.3. Поэтический знак в фольклорном дискурсе: прагматика и грамматика

Морфемный и словообразовательный анализ традиционного текста показал, что язык материнской поэзии стилизован детскую речь, что объясняет широкое распространение уменьшительно-ласкательных суффиксов (-онок/-енок, -ушк-/-юшк, -ок/-ёк-/ик и др.) в словообразовательных моделях колыбельной. Отметим, что диминутивные формы, хранящие в себе субъективно-оценочную семантику ласки, нежности, доброты, образуются и от основ глаголов, что не характерно для русской продуктивной словообразовательной модели (*хватушки, спатоньки, растушки*). Также диминутивы образуются от корней, значение которых в текстах народной поэзии традиционно сопровождается отрицательно

заряженной оценочностью (*гореваньице, серенький волчок*). Предположим, что такие лингвистические приемы позволяли адресанту песни, во-первых, создать эмотивную связь с младенцем, вступая с ним в коммуникацию «на одном языке». Во-вторых, защитить малыша от тех трудностей, которые его могут ждать в будущем, «смягчив» описание жизненных проблем посредством уменьшительно-ласкательных суффиксов.

Морфологический строй языка колыбельных песен специфичен тем, что в нем доминируют глаголы и имена существительные – части речи, широко используемые в живой речи, с помощью которых строятся короткие, простые, доступные сознанию ребенка сюжеты, образующие композицию колыбельной:

*«Люли, люли, люленьки,
Летят сизы гуленьки.
Летят гули вот, вон
Несут Ване сон, сон.
Будут гули ворковать,
Будет Ваня крепко спать.
Будут гули говорить,
Чем Ванюшку накормить.
Полетят они в лесок
И найдут там колосок.
Станут кашу варить,
Станут Ваню кормить
Белой кашкой с молочком
И румяным пирожком»* [НП Белг.края, 1996: 36].

Отметим, что семантика имен существительных, употребленных в текстах фольклорных колыбельных, конкретно и однозначно. Это обусловлено спецификой коммуникативных способностей адресата песни – ребенка, чей словарный запас минимален (*сметанка, ляля, ворон* и т.п.).

Частота использования имен собственных в тексте колыбельных также является специфической характеристикой колыбельных. Это и имена детей, которым поется колыбельная (*Машенька, Маша, Танюша, Таня, Ванечка, Ваня* и др.), и топонимы (*Демьяновский луг, Торжок*).

Имена детей (антропонимы) в тексте материнских песен говорят о желании адресанта укрепить психологическую, эмотивную связь с адресатом. Следуя коммуникативным законам, обращаясь к слушающему по имени, значительно сокращаешь условную дистанцию между собой и своим коммуникантом.

Специфическая закономерность в использовании глагольных форм была выявлена при морфологическом анализе текстов колыбельных песен. Глаголы, формирующие «повествовательную», сюжетную часть текста колыбельной употреблены, как правило, в форме настоящего времени изъявительного наклонения (самая простая для восприятия форма). А в «коммуникативной» части текста, где исполнитель непосредственно взаимодействует с младенцем, употреблены глаголы в форме побудительного наклонения (*не ложись, спи*), или в форме изъявительного наклонения, но в будущем времени (*будешь косить, станешь сеять, укачаю*). Важно отметить интуитивный метод, которым руководствовался коллективный автор и исполнитель традиционной колыбельной, при выборе для глагольных форм категории вида глагола – совершенный (*успокою, укачаю, накормлю*), что уже, благодаря языковому значению глагольной формы, на психологическом уровне обеспечивает достижение цели убаюкивания.

Таким образом, выбор грамматической категории в традиционном тексте не случаен, обусловлен прагматикой текста.

На уровне синтаксического восприятия, текст колыбельной песни максимально приближен к детскому сознанию, максимально соответствует детской коммуникативной компетенции: предложения двусоставные, не осложненные, второстепенные члены вводятся достаточно редко:

«Люли, люли, люли,

*Прилетели гули
И сели на люли,
На Сашиной люли.
Стали люлечку качать,
Стали думать и гадать,
Чем Сашечку гадавать» [НП Белг.края, 1996: 38]*

Необходимо отметить особое соответствие строфики и синтаксической организации текста: каждая строка представляет собой законченную мысль, цельное простое предложение:

*«Лю, лю, лю, лю,
Живет мужик на краю.
Он не беден, не богат,
Полна горница ребят.
Все по лавочкам сидят,
Кашу с маслицем едят.
Каша масляная,
Ложка крашеная» [ТК Белг. края, 2006: 12].*

Текст традиционной колыбельной песни изменчив, он свободно варьируется: состоит из нескольких мотивов, которые располагаются в свободной последовательности друг за другом. Количество и порядок мотивово-сюжетов в композиции зависит от сложившихся условий исполнения и индивидуально-личностного состояния адресанта. Похожим образом в составе сложного предложения нанизываются друг за другом грамматические основы:

*«Пошла кыса по водицу
И упала в криницу.
Пошел котик рятувать,
Кысу за ушки тягать.
Вытянул кысу на суха,
Посадил кысу, где сухо.*

А сам пошел на тот бок

Да к бабушке в погребок

По сметанку, по творог» [НП Белг. обл, 1970: 29].

Необходимо отметить рефрены и их особую композиционно-синтаксическую функцию. Рефрены выражены, согласно теоретическим заключениям лингвистов, междометиями или простыми нераспространенными предложениями. Именно они позволяют объединить в одно музыкально-текстовое пространство обособленные друг от друга сюжеты:

«Ой, гули, ой, гули,

Прилетели к нам гули.

Сели гули ворковать,

Сели Юлечку качать.

Баю, баюшки, баю,

Не ложися на краю,

Придет серенький волчок,

Схватит тебя за бочок.

А баю, баю, баю,

Дед ушел за рыбою.

Мать ушла коров доить,

А отец дрова рубить.

Баюшки, да баюшки,

Где были? – У бабушки.

Там пиво, там и мед,

Там и дедушка живет» [НП Белг. обл., 1970: 38].

Условия создания и коммуникативная ситуация исполнения традиционных колыбельных объясняет свободную, но не всегда логичную архитектонику, лирические отступления (вербализация душевного состояния исполнителя), чередование и объединение традиционных колыбельных мотивов. Таким образом, «колыбельная как фольклорный жанр

импровизации способен к контаминации, выражающей индивидуально-личностную характеристику взрослого, укачивающего ребенка» [Мельников, 1987: 21].

Итак, анализ синтаксического строя колыбельной позволил увидеть специфическую для жанра материнской поэзии зависимость синтаксиса от функциональной нагрузки текста. Мы убедились, что способность колыбельной к контаминации проявляется, прежде всего, на синтаксическом уровне.

Выводы по II главе

1. Многослойность информативного комплекса традиционной колыбельной, позволяет языку фольклорного текста становиться средством репрезентации специфических характеристик коллективной языковой личности.

2. Коллективная языковая личность представляет собой «кристаллизацию» речемыслительного опыта индивидуальных языковых опытов нации. Исследование особенностей проявления коллективной языковой личности в текстовом пространстве колыбельной песни позволяет говорить о трансляции коллективной языковой личностью элементов функционально-дискурсивного лингвокультурного единства, создающегося веками и хранимое поколениями.

3. В семантической организации коллективной языковой личности выделены следующие уровни: 1) вербально-семантические характеристики (слова, словосочетания, стандартные формульные фразы), 2) когнитивные характеристики (репрезентация концептуальной и аксиологической матрицы), 3) прагматические характеристики (способы реализации коммуникативных целей и задач, применение коммуникативных стратегий и установок).

4. Фактический информативный комплекс в структуре коллективной языковой личности содержит сведения о крестьянской жизни, бытовом сельскохозяйственном укладе, семейных традициях и обрядах.

5. Ядром аксиологического комплекса в структуре коллективной языковой личности является концепт «Семья». Внутрисемейные взаимоотношения отрегулированы вековыми традициями.

6. Среди коммуникативно-прагматических установок коллективной языковой личности важнейшей является пожелание младенцу счастья. Идеализация будущей жизни ребенка проецирует такие характеристики коллективной языковой личности, как мифологическое мировосприятие и особое отношение к звучащему слову, веру в его силу и энергетику.

7. Выявленное в текстах материнской и заговорной поэзии тождество лексических формул, мотивов, прагматических установок, условий бытования (воспроизведение текста в установленное время, с особой интонацией, с определенным ритмом) дает основание говорить о едином для рассмотренных жанров когнитивно-дискурсивном истоке, рассматриваемом нами как элемент фольклорного дискурса.

8. Анализ морфемного, словообразовательного, морфологического и синтаксического строя языка традиционной колыбельной позволил проследить специфическую для жанра материнской поэзии зависимость грамматического строя от прагматики, функциональной нагрузки текста.

Глава III. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТОВ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН БЕЛГОРОДЧИНЫ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

3.1. Тематика лингвистических исследований на материале региональных текстов

Безусловно, каждый край, город, село обладает своим национально-культурным пластом лексики, особыми исторически сложившимися топонимическими единицами, фонетическими и грамматическими диалектизмами. В связи с этим перед исследователем регионального языка открывается безграничная сфера интересной и важной деятельности.

Актуальность научно-исследовательских работ и проектов, посвященных идеям лингвистического отечествоведения и краеведения, обусловлена, во-первых, необходимостью сохранить язык «старины», который поможет понять принципы функционирования современного русского языка, прочувствовать изнутри сложность и разнообразие его структуры. Во-вторых, внимание к особенностям региолекта, знакомство через словесную призму с бытом и традициями своей местности позволяет открыть духовную сущность языка, осознать его культуросберегающий и культууроотражающий потенциал, который имеет огромное значение в формировании полноценной, духовно богатой личности [Новикова 2011: 204].

Постижение законов русского языка школьниками и студентами становится более интересным и плодотворным путём привлечения краеведческого материала, организации лингворегионоведческих исследовательских работ, проектов, тематика которых весьма обширна и разнообразна.

Филолог, желающий познакомиться поближе с «поэзией старины», может уделить внимание диалектологическому направлению, работая над следующими темами:

- фонетические, лексические, грамматические, словообразовательные особенности южнорусского говора (на примере языка жителей...села/района/ города);

- диалектизмы в речи жителей г. Белгорода;

- диалектизмы в художественной литературе (на примере конкретных произведений писателей Центрального Черноземья) [Новикова 2006 :33].

В этой сфере научного поиска увлекателен процесс выявления и собирания особенностей говора. При этом лучше всего наблюдать за этими явлениями изнутри, слушая речь коренных жителей. Предметом исследования станут также диалектизмы в творчестве местных писателей. Результатом проделанной работы может стать небольшой диалектологический словарь, например, «Словарик диалектизмов села Красное Алексеевского района Белгородской области для школьников младших классов».

Ономастика – отрасль языкознания, изучающая имена собственные. Ономастическое направление лингворегионоведческих исследований представляет обширный массив материала, требующего разъяснения и систематизирования. Здесь можно рассматривать:

- историю названий улиц... города/ села/посёлка

- историю неофициальных названий городов и сёл Белгородской области;

- изменение топонимикона: история и современность (на примере конкретного региона/ города/ села);

- распространённые фамилии...города/района/села;

- происхождение фамилий (на примере класса/группы/школы/улицы);

- школьные и уличные прозвища: образование и значение;

- образование неофициальных фитонимов и зоонимов...района/села [Новикова 2006:34].

Так, в научном исследовании «Топонимикон Воронежской области» следует распределить собранные топонимы по группам: ойконимы, гидронимы, оронимы, годонимы и т.д. Каждое из названий может быть сопровождено историческим комментарием.

Слово, помимо основной номинативной функции, выполняет ещё одну, немаловажную задачу: отражение культуры, народных традиций и быта. И этнографизмы, слова связанные с жизнью определённого этноса, яркое тому подтверждение.

Темы этнографических проектов могут быть интересны не только этнографам, но и лингвистам, историкам:

- исторические названия блюд...области/района/села;
- свадебный обряд на Белгородчине: тексты и действия;
- этнографизмы и названия белгородско-курских ремёсел и т.д.

Например, научно-исследовательская работа «Исторические названия местных блюд в Губкинском районе» познакомит не только с названиями забытых сегодня блюд, но и ответит на вопросы: «Почему блюдо названо именно так? Для каких случаев и при каких обстоятельствах его готовили?»

Лингворегионовед имеет возможность работать и с современными языковыми явлениями, характерными для его местности. Так темой социолингвистического проекта может стать:

- просторечная лексика в речи белгородцев;
- школьное арго (на примере конкретного учебного заведения);
- «языковой портрет газеты» (на примере конкретного периодического издания);
- сниженная лексика в СМИ (на примере конкретного периодического издания);
- язык рекламы (на примере конкретного периодического издания или примерах наружной рекламы в г. Белгороде) [Новикова 2006: 34].

Проекты, направленные на изучение языка и культуры региона предназначены для использования учителями в школе, преподавателями отдельных дисциплин в вузе, для самостоятельной работы школьников, студентов. Названные темы могут быть развиты, дополнены и продолжены.

Регионоведческие исследования не просто интересны и увлекательны. Они позволяют накопить и систематизировать знания об уходящей культуре, зафиксировать исчезающие формы диалектного, народного языка. Собранные данные могут составить своего рода банк результатов проектной деятельности, который перерастет в более серьёзный труд, например, в лингворегионоведческий словарь Белгородской области. Вот ещё одна тема и задача лингвистического, краеведческого характера.

«Поэзия старины», слова поболе, гуля, дряхлы - это не отступление от привычных норм, это родной язык, пропитанный дыханием жизни, отражающий душу народа. И этот язык требует очень бережного отношения, заботы, нашего пристального внимания.

3.2. Диалектные и региолектные элементы языка белгородских колыбельных

Социолингвистика, как и лингвофольклористика, на современном этапе развития в качестве одного из приоритетных направлений рассматривает изучение специфики региональных говоров. Концептуальными признаками региолекта в современной науке признаны: 1) устная форма речи, 2) отсутствие архаических диалектных элементов, 3) появление новых черт и особенностей, 4) повсеместное распространение на территории региона, 5) зависимость от социального фактора [Герд 2001: 13]. Интересно, что в рамках социолингвистических и лингвофольклористических отечественных исследований в качестве предмета изучения рассматриваются оба лингвообразования – диалект и региолект.

Вопрос о разграничении терминов «диалект» и «региолект» по-прежнему считается одним из самых сложных в социолингвистике. Мы

будем основываться на толковании терминов, предложенном С.А. Кошарной: «...региолекты могут возникать на основе нескольких диалектов; региолект функционирует на территории региона (или даже нескольких регионов) и используется всеми его жителями (без социальных, возрастных и других ограничений) в отличие от диалекта, который используется преимущественно сельскими жителями определенной местности (то есть диалект более ограничен локально и функционально)» [Кошарная 2017: 14-25].

Феномен Белгородского говора, как объединенного языкового пространства, состоит в том, что его формирование происходит на стыке (а) с иноязычной территорией (Украиной), (б) с различными административно-территориальными центрами (Курск, Воронеж). В результате словарь Белгородского региона отмечен разноязыковыми и междиалектными чертами: *цэбэрка* (укр.) и *ведро* (рус.), *гай* (укр.) и *лес* (рус.), *лыва* (курск. диал.) – *калюжа* (укр.) – *лужа* (рус.).

Отметим, что работа в русле лингвистической регионалистики позволяет рассматривать слово в контексте не только конкретно языкового материала (выделять фонетические, грамматические, лексико-фразеологические характеристики), но и работать с краеведческой, историко-культурной информацией, заложенной в фольклорной местнографии.

Тексты народных колыбельных песен, распространенных и бытующих на территории Белгородчины, обладают большим лингвокультурологическим и региолектологическим потенциалом. Задачами нашей работы стали (1) выявление и (2) классификация диалектных и региолектных элементов языка текстов колыбельных песен Белгородчины. Материалом исследования являются тексты колыбельных песен, представленные в этнографических сборниках Белгородской области.

Согласно классификации Н.А. Мещерского [Мещерский 1972: 263-264] среди диалектизмов выделяют: 1) фонематические; 2) лексические; 3)

лексико-семантические; 4) этнографические; 5) морфологические; 6) словообразовательные.

Анализ фольклорных колыбельных песен Белгородской области показал, что наиболее частотными в употреблении являются фонематические диалектизмы (были изучены архивные аудиозаписи этнографических экспедиций в районы области). Нами выделены следующие фонетические особенности, характерные для южной группы южнорусского наречия и проявляющиеся в языке народных песен Белгородчины.

1. Замена звука [г] фрикативного щелевым образованием [Y]: [Y]ули, Ан[Y]елы.

2. Отсутствие фонем <ф> и <ф'> , их замена на фонетическое сочетание [хв]: *Да сорву я лопушок, / Сшю кыце хвартушок, дам тебе канхвет.*

3. Для языка колыбельных песен характерно явление «яканье», также распространенное в большинстве южнорусских говоров. Яканье – система вокализма предударных слогов, при которой гласные неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных всегда или в некоторых случаях совпадают в звуке [‘а]. [Рухленко 2005: 12-16]. Например: *Татары шли / ковылу жгли кашу варили / поевши кашу / людей дялили; Вот брат сястру / на Русь пустил / а зять тёшшу / в служанки взял; Побяжали во лясок* и др.

4. Появление протетического звука [в]: *вумница, вумный, вострый, вухо* и др.

5. Произношение звука [w] ([у]-неслогового) на месте [в]: [w]зьял, [w]месте и др.

6. Специфичная форма местоимений: *о сабе, о табе* (ср.: *о себе, о тебе*).

Отметим, что для форм местоимений характерна не только замена внутрикорневой фонемы /e/, но и проявление древнерусского редуцированного Ъ в сильной позиции: *мене*.

Язык фольклорных колыбельных песен ярко маркирован не только на уровне фонетики. Выделим лексические диалектизмы с исконно русской архаикой: *унучек (унуня)* – ‘внук’; *коло* – ‘около’; *побачить* – ‘увидеть’; *торжок* – ‘рынок’; *горница (горенка)* – ‘зал, парадная комната в крестьянском доме’; *рятовать (рятувать)* – ‘спасать’; *поладил* – ‘отправил’; *та (тай)* – ‘и’; *затышичек (затышок)* – ‘место, защищенное, закрытое от ветра’ и др.

Анализ лексики колыбельных демонстрирует и результаты межъязыкового взаимодействия – активное функционирование в белгородских говорах украинизмов: *хвортка* – ‘калитка, дверь’; *чи* – ‘или’; *годувать (гадавать, годувать)* в значении ‘кормить’. Интересно отметить, что в текстах колыбельных песен лексема *годувать* сохраняет именно исконную «украинскую» семантику, в то время как в белгородских говорах слово приобретает добавочную семему: ‘выращивать кого-то’, ‘вскармливать’ [ООСБ: 79].

Вслед за С.А. Кошарной обратим особое внимание на то, что подобные лексемы-украинизмы «распространены не только в целом ряде районов области, граничащих с Украиной (Ровенском, Грайворонском, Шебекинском и др.), но и в районах, которые не контактируют непосредственно с Украиной (Губкинский, Старооскольский, Чернянский и др.), что свидетельствует об историческом (уходящем в глубокое прошлое) взаимодействии белгородских говоров с пограничными диалектами Украины и смешении разноязычной диалектной лексики в микросистемах белгородских говоров» [Кошарная 2017: 29].

Одним из самых распространенных анималистических образов русской колыбельной песни является образ голубя. Особенность его в том, что лексема голубь встречается в народных текстах крайне редко, в отличие от особой формы множественного числа – *гули (гуленьки, гулички, гулюшки)*. Не распространен в фольклорных песнях и белгородский диалектизм *гуркунок* – ‘голубь дикий’. Однако именно в колыбельных «рождаются» и

функционируют такие глаголы-дериваты, как *горковать*, (*гурковать*, *урковать*), *гулить* – ‘ворковать по-голубиному’: *Люли, люли, люлюшки, / Прилетели гулюшки, / Стали гули гурковать: / «Что нам Маше кушать дать?»*.

В толковом словаре Даля зафиксировано два варианта: *гарковать* (с пометой вор., тмб.) и *гурковать* (с пометой орл., вор.). В лексикографический состав Опыта областного словаря Белгородчины данная лексема не включена, что дает основание говорить о жанровых рамках распространения данной лексемы в белгородских говорах.

Колыбельные песни Белгородчины становятся источником семантических изменений в диалектизмах. Так лексема *куток*, зафиксированная в Опыте областного словаря Белгородчины, имеет единственное толкование – ‘угол’. В контексте колыбельной же слово обретает второй лексико-семантический вариант ‘улица за углом’: *Да через выгон на куток, / у чужой погребок*.

Модификация значения также наблюдается в лексеме *долбни*: *А и где ж та вода? / - Волы попили. / - А и где ж те волы? / - Долбни побили. / - А и где же те-та долбни? / - Черви поточили*.

Словарь Ушакова предлагает следующее толкование слова *долбни* (с пометой *школьн., вульг*): ‘то же, что долбежка (бессмысленное заучивание наизусть)’. На наш взгляд, эта лексема, семантически и структурно соотносится с глаголом *долбить* (‘ударять, бить’) и в сюжетном пространстве колыбельной песни приобретает иное значение – ‘орудие труда, палка’.

Расширение семантики наблюдается в лексеме *цапня*. Это слово интересно не только с точки зрения морфологии (усеченная форма глагола-диалектизма), но и с лексико-семантической позиции. В Опыте областного словаря Белгородчины лексема имеет толкование ‘трогать’, однако же в контексте колыбельной появляется еще один лексико-семантический вариант – ‘хватать’.

Совершенно новое значение в фольклорном дискурсе приобретает слово *котик* – ‘*колыбельная песня*’. В украинской культуре широко известно выражение *котика (котка) співати (казать)*, что означает ‘*петь колыбельную*’ [Головин 2000: 190]: *А Сашечка будет спать, / А я котика казать.*

Лингвокультурологический анализ рассматриваемых текстов колыбельных песен позволил выявить диалектные лексемы, репрезентирующие бытовые особенности жизни предков. Это этнографизмы: *груба* и *выгон*: *Тот дрова рубал, тот золу выгребал, // Тот грубку топил, тот кашу варил...; Как повадился коток, // Да через выгон на куток, // У чужой погребок.*

Этнографизмы *груба* – ‘*печка*’ и *выгон* (*выгин, выгинь*) – ‘*поле для выпаса домашнего скота*’ имеют широкое распространение в районах области, что дает основание говорить о принадлежности данных лексем к группе белгородских регионимов. Здесь же скажем еще об одном выявленном в текстах колыбельных региониме – *дюже* (*дюжа*), употребляемом в значении ‘*очень, сильно*’: *Котика вловили, // Дюжа больно били. // Не учись, котик, воровать, // А учись, серый, работать.*

Диалектизмы и регионимы, семантика которых связана с материальной и духовной культурой предков, представляет этнографическую и культурологическую ценность, «несут в себе отражение картины ценностного восприятия мира носителями языка» [Власова 2002: 3.]. Так, лексема *выгон*, входящая в группу белгородских ландшафтных регионимов, дает возможность «реконструировать» элементы сельскохозяйственного уклада белгородской деревни. А фиксация в текстах народных колыбельных лексемы *груба* свидетельствует об особом отношении крестьянина к домашней печи – горячему сердцу дома.

Примечательно, что в исследованных нами народных текстах выявлены продукты народного словотворчества. Значение таких лексем в словарях не

отражено, вследствие этого их толкование основывается на контекст и словообразовательную мотивацию:

подушить – ‘положить подушку’: *Ай, баю, баю, баю, / Ходит котик по двору. / Пошел котик во лесок – / Нашел сабе поясок. / Чем люлечку подушить / Да Наташу положить. / Будя детка крепко спать, / Котик ее величать;*

сухо (суха, сушко, сушечка) – ‘сухое место’: *Пошла кыса по водицу / И упала в криницу, / Пошел котик рятувать, / Кысу за ушки тягать. / Вытянул кысу на суха, / Посадил кысу, где сухо...; Узял кысу за ухо, / Да вытянул на сухо...; Пишев котик вытягать, / Тай вытяг за ушко, / Положил на сушко...; Вытянул за ушечко / Посадил на сушечку. / Цыц, киця, не мурчи, / Як упала, так молчи.*

Среди многочисленных морфологических диалектизмов отметим архаичную словоформу *коту*, сохранившей древнерусскую грамматическую категорию – звательный падеж: *Коту серый, коту белый, / Не ходи, ты, коло хаты, / А иди к нам, ты, ночувати, / Там Марусю колыхати*. Обращение к образу кота для жанра русской колыбельной песни традиционен. Кот в славянской культуре признан символом домашнего тепла и уюта, поэтому именно с него начинается знакомство младенца с миром [Головин 2000: 235].

Необходимо сказать и о так называемых «белых пятнах» в семантическом поле колыбельных текстов. При работе с этнографическими сборниками были выявлены лексемы, толкование которых затруднено: они не зафиксированы в словарях, утрачена словообразовательная мотивация:

прилепочек: *А дуду, дуду, дуду, / Я горошек молочу, / На чужом точку, / На прилепочку;*

хороборочки: *Ко мне курочки летят, / Хороборочки клевать.*

порывается: *Медведь на печи порывается, / Старый дед на печи обувается...*

3.3. Дидактические материалы и методические разработки по использованию колыбельных песен Белгородчины на уроках русского языка с региональным компонентом

Фрагмент урока открытия нового знания

по теме «Зачем поют колыбельные песни?» (5 класс).

Слово учителя: Век нынешний – высоко цивилизованный и урбанизированный, до предела наполнен громокипящим гулом, где много бешеных ритмов, но мало напевной музыки, ласкающей слух, утешающей душу. «Тишины хочу... тишины...// Нервы что ли обожжены», – устало выдохнул поэт 60-х годов XX века Андрей Вознесенский.

Мы все – заложники безудержной ритмовой ярости, наполнившей все пространство бытования, где почти заглушены тихие колыбельные песни.

(воспроизведение отрывка народной колыбельной песни)

Этап целеполагания.

- О чем пойдет речь сегодня на уроке? Какова тема урока?

Тема урока: «Зачем поют колыбельные песни».

- Что нового вы хотите узнать?

Цель урока: выявление функций колыбельной песни.

Задачи:

- 1) познакомиться с историей возникновения колыбельной песни;
- 2) выделить особенности звучания колыбельной
- 3) назвать основные образы русской колыбельной песни
- 4) сделать вывод о том, как особенности ритмики и образный строй колыбельной позволяют ей реализовывать свою основную жанровую функцию

Актуализация знаний

– Сколько лет существует колыбельная песня?

– Кто их автор? Как называются такие колыбельные песни?

– Значит, о каких песнях мы будем сегодня говорить?

– Благодаря чему они дошли до нас?

Усвоение новых знаний

– Колыбельных песен не так уж и много, но они передаются из поколения в поколение, просто каждая мама поет по-своему, что-то изменяя, дополняя. И колыбельная песня рождается как бы заново. Колыбельные песни есть у каждого народа. Эти песни, как считали предки, защищали спящего ребенка, оберегали его сон.

– Почему песню назвали колыбельной?

(на доске: *колыбель, люлька, качалка, зыбка*)

– В далёкую старину люди изобрели специальное приспособление для качания младенцев – колыбель. Слово «колыбель» происходит от слов «колебать», «колыхать», «качать». Покачивая колыбельки, матери, бабушки припевали разные припевы. Они понимали, что нужны светлые, успокаивающие песни. Так создалась форма колыбельной песни.

Проблемное задание

1. Чтение колыбельной учителем.

Баиньки, баиньки,

Купим Тане валенки...

Купим Тане валенки

Бегать по завалинке

2. Чтение про себя выделение непонятных слов.

3. Словарная работа.

Баиньки-баиньки – строчки часто повторяющиеся в колыбельных песнях возникли от устаревшего слова «баять» т.е. говорить, рассказывать.

Завалинка – земляная невысокая насыпь вдоль наружных стен избы.

Работа над выразительностью чтения

– Почему колыбельную песню называют еще маминой?

– С какими чувствами мама поет колыбельную своему ребенку?
(любовь, забота, ласка, нежность)

– А теперь попробуем с вами перенестись на несколько десятков лет назад. Представьте простую крестьянскую избу. Посередине избы на

березовом шесте, который называли ОЧЕП, висит люлька. И вам надо спеть младенцу песню.

– Кто рекомендует своего соседа для чтения вслух и почему?

(чтение вслух)

Сон ходит по очепу,
А дрема-то по лучкам.
Сон со дремой поспорили:
Дрема говорит:
«Я скорее удремлю»,
А сон говорит:
«А я скорее усыплю»

– Почему животные часто становятся героями колыбельных песен?

(чтение вслух)

*Коту серый, коту белый,
Не ходи, ты, коло хаты,
А иди к нам, ты, ночувати,
Там Марусю колыхати.
(Волоконовский район, с. Погromeц)*

*А баю-баю-баю
Ходит кошка по краю
Она лыка дерет
Она лапти плетет.
А кому-то не дает
Ему сына женить
Да и дочь отдавать.
(Прохоровский район, село Лилота,)*

– Какие слова непонятны?

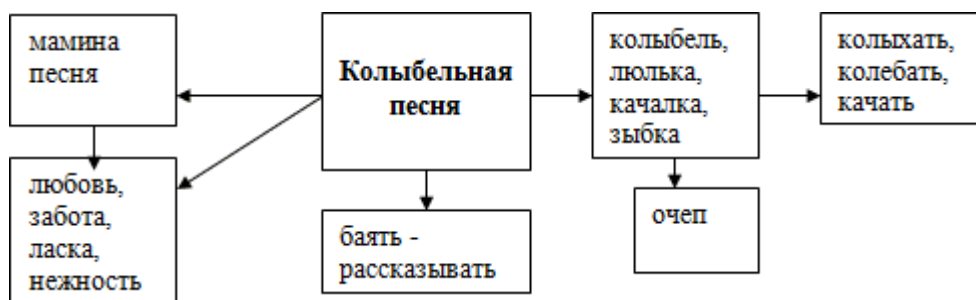
Лыко – значение слова находят в тетради по литературному чтению.

Лапти – крестьянская обувь, сплетенная из лыка, охватывающая только стопу.

Хата – в южных говорах так называют дом

Закрепление знаний

Составление кластера

Творческое применение знаний

- Как вы думаете, трудно ли сочинить колыбельную песню?
- Для кого мы можем сочинить колыбельную?
- Можем сочинить для мамы?

Работа в группах – сочинение колыбельных песен.

В помощь даны слова: баю – баюшки – баю, спи, спокойно, засыпай...

Тексты колыбельных и задания к ним

I.

«Люлички, люли, люли.

Прилетели к нам гули.

Они сели на люли,

Стали думать и гадать,

Чем Шурочку годовать,

Чи бубличком, сахарком,

Чи кашкою с молочком.

Как повадился коток,

Да через выгон на куток,

У чужой погребок,

По сметану, по творог,

По кислое молочко».

(Грайворонский район, с. Дорогошь)

1. Прочитайте колыбельную. Подчеркните непонятные слова, уточните их значение по словарю Даля.

2. К какой лексической группе относятся слова: *чи, годовать*.

3. Прокомментируйте особенность употребления предлогов *у* и *по* в предложении: *«Как повадился коток // Да через выгон на куток, // У чужой погребок, // По сметану, по творог, // По кислое молочко»*.

II.

«Ой, лю-лю, коточек,
Лю-лю, серенький,
Хвостик беленький,
Не ходи коло хаты,
Не взбуди нашего дитяти,
Наше дитя маленько,
Спаточки раденько,
Оно спит да не плачет,
Меньше горечка побачит,
Ой, лю-лю-лю!»

1. К кому обращается исполнитель песни? В чем необычность номинации животного?

2. Определите значение предлога *коло*? Из какого языка этот предлог был заимствован русской колыбельной?

3. Найдите определение слова *хата*. Подберите к нему синонимы. Какие названия у жилища в северных областях России?

4. Назовите грамматические признаки слова *маленько*

III.

«Пошла кыса по водицу
И упала в криницу,
Пошел котик рятувать,

Кысу за ушки тягать.
Вытянул кысу на суха,
Посадил кысу, где сухо,
А сам пошел на тот бок
Да к бабушке в погребок,
По сметанку, по творог.
Котика вловили,
Дюжа больно били.
Не учись, котик, воровать,
А учись, серый, работать.
У поле ходити,
Просо молотити,
И кашу варити,
И деток кормити».

1. Какие слова вам непонятны? Определите их значение по словарю Даля.

2. В чем особенность форм глаголов *ходити*, *молотити*, *варити*, *кормити*? Из какого языка заимствовала колыбельная эти формы?

3. Поставьте ударение в слове *работать*. Соответствует ли ударение в фольклорном тексте современным акцентологическим нормам? Как называется такое слово, особенность произношения которого не является нормой и распространено на определенной территории.

Выводы по 3 главе

1. Исследования языка фольклорных текстов в регионоведческом аспекте позволяют аккумулировать знания об уходящей культуре, зафиксировать исчезающие формы диалектной речи

2. Тексты народных колыбельных песен, распространенных и бытующих на территории Белгородчины, обладают большим

лингвокультурологическим и региолектологическим потенциалом. Анализ фольклорных колыбельных песен Белгородской области показал, что наиболее частотными в употреблении являются фонематические диалектизмы (были изучены архивные аудиозаписи этнографических экспедиций в районы области).

3. Анализ лексики колыбельных демонстрирует результаты межъязыкового взаимодействия – активное функционирование в белгородских говорах украинизмов. Лексемы-украинизмы распространены не только в целом ряде районов области, граничащих с Украиной, но в районах, которые не контактируют непосредственно с Украиной, что свидетельствует об историческом (уходящем в глубокое прошлое) взаимодействии белгородских говоров с пограничными диалектами Украины и смешении разноязычной диалектной лексики в микросистемах белгородских говоров.

4. Изучение диалектной и региолектной лексики белгородских колыбельных позволили выявить специфичные черты местных говоров, зафиксировать факты расширения семантики диалектизмов и появления новых лексем – народных неологизмов в дискурсе фольклорного жанра.

5. Работа с фольклорными текстами на уроках русского языка позволяет зафиксировать те факты языка, которые, являясь частью культуры, содержат ценную этнолингвистическую информацию о жизни и быте изучаемого региона.

6. Обращение к лингвокраеведческому материалу способствует оживлению учебного процесса, активизирует познавательные интересы учащихся, создает положительный эмоциональный фон обучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идея обращения к фольклорному тексту как к знаковому репрезентанту национального сознания для лингвистики не нова. Уже с первой половины XIX века стали появляться труды философов-языковедов, утверждающих, что существование национальной культуры, национального сознания нельзя представить без языка и вне языка. В первую очередь отметим учение В. фон Гумбольдта о «духе народа» и теорию А.А. Потебни о трехчастной структуре языкового знака. Однако современная наука предложила новый способ организации лингвистического знания, получивший терминологическое обозначение – когнитивно-дискурсивная парадигма. Исследование в рамках этой парадигмы подразумевает описание каждого языкового явления с точки зрения его когнитивной и коммуникативной функции. Таким образом, логическим продолжением исследования языка народной колыбельной как репрезентанта национального сознания стал когнитивно-коммуникативный анализ традиционного текста материнской поэзии, обращенный как на способы трансляции языковой картины мира, так и на результаты взаимодействия коммуникантов.

Колыбельная песня стала источником интереснейшего материала для исследования в дискурсивном аспекте. Модель дискурсивного анализа, предложенная в исследовании, затрагивает такие характеристики текста, как а) генезис, б) функционирование и условия бытования жанра, в) особенности поведения участников коммуникативной ситуации, создающейся при реализации жанровых установок произведений устного народного творчества.

Генетическая связь колыбельной песни с комплексом ритуально-мифологических действий дает основание ученым говорить о «родстве» материнской и заговорной поэзии. На наш взгляд, выявленное в текстах колыбельных и заговоров тождество лексических формул, мотивов,

прагматических установок, условий бытования (воспроизведение текста в установленное время, с особой интонацией, с определенным ритмом) обусловлено единым для исследуемых жанров когнитивно-дискурсивным истоком, рассматриваемом нами как элемент фольклорного дискурса. Такое «производное пространство» представляет собой сложную и нелинейно организованную систему народно-поэтических текстов, образно-речевые формулы которой имеют общие лингвальные, прагматические, социокультурные, психические, паралингвистические свойства.

Бытовой характер применения и «переходное», согласно мифологическому мировосприятию коллективного исполнителя колыбельной, положение адресата колыбельной обусловили функциональное содержание фольклорного текста: 1) введение в состояние сна, 2) воспитательное и педагогическое воздействие, 3) лингвопрограммирование на уровне бессознательного, 4) сакрально-охранительная прагматика текста.

Уникальность коммуникативной ситуации, создаваемой жанром материнской поэзии, заключается в том, что текст колыбельной песни может быть направлен и к традиционному адресату – ребенку, и к сознанию самого исполнителя, и даже к мифологическим образам. Особое внимание мы уделили текстам, в основе которых лежит коммуникативная ситуация обмана. К ним относятся так называемые «смертные» колыбельные, в функциональном плане они максимально приближены к обрядовому жанру, воздействуют не на младенца, а на «вредителя» – злого духа, смерть – занимающего в этой ситуации позицию адресата.

Важнейшим этапом дискурсивного анализа фольклорной колыбельной стало исследование коллективной языковой личности – коллективного автора и коллективного исполнителя традиционного текста. Коллективная языковая личность представляет собой «кристаллизацию» речемыслительного опыта индивидуальных языковых опытов нации. Исследование особенностей проявления коллективной языковой личности в текстовом пространстве колыбельной песни позволило говорить о

трансляции коллективной языковой личностью элементов функционально-дискурсивного лингвокультурного единства, создающегося веками и хранимое поколениями.

Анализ семантической организации коллективной языковой личности показал, что на уровне фактического информативного комплекса доминируют сведения о крестьянской жизни, бытовом сельскохозяйственном укладе, семейных традициях и обрядах. В процессе когнитивного анализа текстового воплощения коллективной языковой личности было выявлено, что ядром аксиологического комплекса в структуре коллективной языковой личности является концепт «Семья». Внутрисемейные взаимоотношения отрегулированы вековыми традициями. Специфика коммуникативного поведения представленной в колыбельной песни коллективной языковой личности указала на особые коммуникативные цели и мотивы. Среди коммуникативно-прагматических установок коллективной языковой личности важнейшей является пожелание младенцу счастья. Идеализация будущей жизни ребенка проецирует такие характеристики коллективной языковой личности, как мифологическое мировосприятие и особое отношение к звучащему слову, веру в его силу и энергетику.

Анализ морфемного, словообразовательного, морфологического и синтаксического строя языка традиционной колыбельной позволил проследить специфическую для жанра материнской поэзии зависимость грамматического строя от прагматики, функциональной нагрузки текста.

Особое внимание мы уделили словообразовательной парадигме диминутивных форм, доминирующей в традиционных текстах материнских песен. Мы сделали вывод о том, что стремление коллективной языковой личности представить слово в «уменьшительно-ласкательной» словообразовательной форме обусловлено стремлением проецировать взрослую картину мира на восприятие окружающей действительности детским сознанием.

Синтаксический строй текстов материнской поэзии соответствует особым условиям создания и исполнения жанра. Специфические прагматические установки текстов наиболее эффективно транслируются в простых, часто неосложненных второстепенными членами предложениях.

Методические и дидактические материалы, разработанные в аспекте лингворегиеоноведения, на материале фольклорных колыбельных песен призваны ознакомить учащихся с традициями, историей и культурой малой родины в процессе изучения родного языка, точнее, через факты языка с целью формирования коммуникативных умений и лингвокраеведческой компетенции.

Изучение диалектной и региолектной лексики белгородских колыбельных позволило выявить специфические черты местных говоров, зафиксировать факты расширения семантики диалектизмов и появления новых лексем – народных неологизмов в дискурсе фольклорного жанра. А работа над образной системой традиционных колыбельных, выявление и анализ фольклорных концептов, по нашему мнению, способствует восстановлению модели уклада жизни наших предков, позволяет воссоздать элементы национального мировидения.

Итак, работа, посвященная когнитивно-дискурсивному анализу текстов фольклорных колыбельных песен как элемента фольклорного дискурса, позволила восстановить некоторые элементы русской картины мира. Среди них мы выделим 1) антропоцентрический принцип моделирования действительности, 2) представление о биполярности мира, 3) сакрально-мифологическая роль произнесенного слова.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Текст и дискурс [Электронный ресурс]: учеб. пособие для магистрантов / Е.Г. Озерова, И.И. Чумак-Жунь. – М.: Флинта, 2013. – 232 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 224 с.
3. Алефиренко, Н.Ф. Общее языкознание: история и теория языка: интегрированный курс / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013. – 310 с.
4. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
5. Алефиренко, Н.Ф. Теория языка: вводный курс: учебное пособие для студентов филол. спец. высших учебных заведений / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.
6. Аникин, В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор: пособие для учителя / В.П. Аникин. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.
7. Артеменко Е.Б. Традиция в мифологической и фольклорной репрезентации. Опыт структурно-когнитивного анализа / Е.Б. Артеменко. // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. – Том II. – М., 2006. – С. 6-23.
8. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
9. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев. – М.: Индрик, 1994. – 801 с.

10. Блок, А.А. Из записных книжек и дневников / А.А. Блок // Полное собрание сочинений: в 8 т. – М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – Т. 7. – 347 с.
11. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Некоторые из общих положений... / И.А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные работы по общему языкознанию. – М.: Изд.-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – С. 348-351.
12. Бондаренко, В.В. Межкультурный диалог поколений на примере колыбельных / В.В. Бондаренко // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII конгресса МАПРЯЛ. – СПб: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы "МАПРЯЛ", 2015. – С. 18-23.
13. Бухарова, Г.Х. Башкирский народный эпос «Урал-Батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Уфа, 2009.
14. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
15. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / под общ. ред. И.К. Горского. – М.: Высшая школа, 1989. – 648 с.
16. Ветухов, А.В. Народные колыбельные песни / А.В. Ветухов // Этнографическое обозрение: издание этнографического отдела. – 1892. – № 1. – С. 131-155.
17. Виноградов, Г.С. Народная педагогика / Г.С. Виноградов // Камены. – Иркутск, 1997. – № 1-2. – С. 80-92.
18. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М., 1996. – С. 5.
19. Герд, А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун.-та, 2001. – 488 с.
20. Головин, В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе / В.В. Головин. – Турку: ÅboAkademiUniversityPress, 2000. – 451 с.

21. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / под общ. ред. Г.В. Рамишвили. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
22. Гучетль, Ф.М. Языковые особенности колыбельных песен (на материале разносистемных языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2008. – №1. – С. 45-51.
23. Даль, В.И. Поверья, суеверья и предрассудки русского народа / В.И. Даль. – М.: Харвест, 2011. – 608 с.
24. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – СПб.: Изд.-во книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880-1882. – 2716 стб.
25. Дандес, А. Фольклор: семиотика и психоанализ / А. Дандес. – М., 2003. – 279 с
26. Добряков, Г.С. О колыбельных песнях / Г.С. Добряков // Вестник воспитания. – 1914. – № 8. – С.145-156.
27. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 1233 стб.
28. Жуковский, Я. Колыбельные песни и причитания оседлого и кочевого населения Пруссии / Я. Жуковский // Журнал министерства народного просвещения. – 1889. – № 1. – С. 12–13.
29. Журавлев, А.П. Звук и смысл / А.П. Журавлев. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.
30. Заика, В.И. Слово как речевой знак (о моделях описания эстетической реализации языка) / В.И. Заика // Русский язык: номинация, предикация, образность: межвузовский сборник научных трудов. – М.: Наука, 2003. – С. 120-123.
31. Капица, О.И. Детский фольклор / О.И. Капица. – Л.: Прибой, 1928. – 114 с.
32. Капица, Ф.С. Русский детский фольклор: учеб. пособие для студ. вузов / Ф.С. Капица, Т.М. Колядич. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 240 с.

33. Кошарная, С.А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «человек – природа» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгородский государственный университет. – Белгород, 2002.
34. Кошарная, С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С.А. Кошарная. – Белгород: Издательство БелГУ, 2002. – 288 с.
35. Кристева, Ю. Семиотика: исследования по семанализу / Ю. Кристева. – М.: Академический проект, 2013. – 289 с.
36. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1996. – 245 с.
37. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Изв. АН. Сер. литературы и языка. – 2004а. – Т. 63. – № 3. – С. 3-12.
38. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М., 1997. – 327 с.
39. Кузюлев, Н.Н. Песни нашего края: Лингвофольклорная хрестоматия / под общ.ред. С.А. Кошарной. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 180 с.
40. Мамонова, Ю.В. Когнитивно-дискурсивные особенности лексики английской бытовой сказки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004.
41. Мещерский, Н.А. Русская диалектология: уч. пособие для вузов / Н.А. Мещерский. М.: Высшая школа, 1972. – 304 с.
42. Мухамадиева, Д.М. Коммуникативное пространство традиционной колыбельной песни: на материале русских, татарских, украинских, казахских и немецких колыбельных песен Тюменской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2006.
43. Неклюдов, С.Ю. Вещественные объекты и их свойства в фольклорной картине мира / С.Ю. Неклюдов // Признаковое пространство культуры. М., 2002. – С. 21-31.

44. Никитина, О.А. К вопросу о типологии языковой личности в аспекте неологизации / О.А. Никитина // Научный диалог. – 2016. – № 3 (51). – С. 75-87.
45. Новиков, Л.А. Структура эстетического знака и отстранение / Л.А. Новиков // Русистика сегодня. – Москва, 1994. – №2. – С. 3-20.
46. Новикова, Т.Ф. Лингворегионоведение. Часть 3: практикум. – Белгород, 2010. – С. 16.
47. Новикова, Т.Ф. Социо- и этнокультурный компонент региональных программ по русскому языку (для школ Белгородской области). 2-е изд., доп. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – 112 с.
48. Новикова, Т.Ф. Теоретико-прикладные проблемы описания современных диалектов / Т.Ф. Новикова // The central European Journal of social sciences and humanities, 2017. – № 19/1. – С. 171-178.
49. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академией наук / А.Х. Востоков. – СПб: тип. Имп. АН, 1852. – 291 с.
50. Осорина, М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М.В. Осорина. – СПб.: Питер, 2008. – 304 с.
51. Потебня, А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / под общ. ред. Ю.С. Рассказова, О.А. Сычева. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
52. Потебня, А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
53. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика / А.Б. Муратов. – М.: Высшая школа, 1990. – 344 с.
54. Пропп, В.Я. Принципы классификации фольклорных жанров / В.Я. Пропп // Фольклор и действительность: избранные статьи. – М.: Наука, 1976. – С.34-46.
55. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. М., 1994. –239 с
56. Рухленко, Н.М. Работа с диалектным материалом на уроке русского языка / Н.М. Рухленко // Русский язык в школе, 2005. – №6. – С.12–16.

57. Соколов, Ю. Колыбельные песни // Литературная энциклопедия: В 11 т. – М., 1929–1939.
58. Токарев, Г.В. Теоретические проблемы вербализации концепта «Труд» в русском языке: автореф. дис. ... док. филол. наук. – Волгоград. гос. пед. университет. – Волгоград, 2003.
59. Толстая, С.М. Обман / С.М. Толстая // Славянская мифология: энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995. – С. 277-279.
60. Толстой, Н.И. Славянская литературно-языковая ситуация / Н.И. Толстой // Избранные труды в 3 т. – Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 544 с.
61. Топоров, В.Н. Миф: ритуал: символ: образ: исследования в области мифопоэтического / В.Н. Топоров. – М.: Прогресс, 1995. – 624 с.
62. Топоров, В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: энциклопедия. – М., 1980. – Т. 1. – 254 с.
63. Хроленко, А.Т. Идиолект былинного певца в словаре языка русского фольклора / А.Т. Хроленко // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. – Петрозаводск, 2000. – С. 298-308.
64. Хроленко, А.Т. Лингвофольклористика. Листая годы и страницы. / А.Т. Хроленко. Курск, 2008. – 229 с.
65. Хроленко, А.Т. Русский эпический менталитет: к постановке проблемы / А.Т. Хроленко // Духовная культура : проблемы и тенденции развития. – Сыктывкар, 1994. – С. 3-4.
66. Цивьян, Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы: моногр. / Т.В. Цивьян – М.: Букинист, 2009. – 280 с.
67. Черванева, В.А. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров) / В.А. Черванева, Е.Б. Артеменко. – Воронеж, 2004.– 184 с.
68. Чистов, К.В. Ирина Андреевна Федосова: историко-культурный очерк / К.В. Чистов.– Л., 1988. – 335 с.

69. Чумак-Жунь, И.И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков: моногр. / И.И. Чумак-Жунь. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 244 с.

70. Эмер, Ю.А. Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование / Ю.А. Эмер // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2011. – № 2. – С. 50-60.